stratum plus
Археология и культурная антропология
№5. 2026

E-ISSN 1857-3533
DOI: https://doi.org/10.55086/sp

ОТ ДНЕСТРА ДО ИРТЫША. РИТМЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Западная Сибирь и Первый Тюркский каганат
Новый комплекс днепровских раннесредневековых кладов
Уральская Венгрия и венгры Поднестровья
Половецкие изваяния. Новая типология и место в погребальном обряде.
Кольцевые городища Молдовы. «Эксцесс скандинавомании»
Декоративное искусство Руси. Маньеризм и монументальность
Как пал последний оплот обороны Киева в 1240 г.
Политика Чагатая в Мавераннахре
Геоархеология сейсмических кризисов в Центральной Азии
Ювелирная культура Сардинии вчера и сегодня

Редколлегия номера:
Роман А. Рабинович — ответственный редактор,
Алексей А. Романчук, Сергей Н. Разумов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ **2026**

ISSN: 1608-9057
Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

From the Dniester to the Irtysh: Rhythms of the Middle Ages

Western Siberia and the First Turkic Khaganate
A Newly Discovered Assemblage of Early Medieval Hoards from the Dnieper Region
Uralic Hungary and the Hungarians of the Dniester Region
Cuman Stone Statues: A New Typology and Their Place in Funerary Ritual
Ring-Fort Settlements of Moldova: An "Excess of Scandinavomania"
The Decorative Art of Rus': Mannerism and Monumentality
How Kyiv's Last Stronghold Fell in 1240
Chagatai's Policy in Transoxiana
The Geoarchaeology of Seismic Crises in Central Asia
Sardinia's Jewelry Culture: Past and Present

Editorial Board of the Issue: Roman A. Rabinovich — Editor-in-Charge,
Alexey A. Romanchuk, Sergey N. Razumov

Saint Petersburg. **Kishinev**. Odesa. Bucharest.
2026

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie şi antropologie culturală

De la Nistru până la Irtîş. Ritmurile Evului Mediu

Siberia de Vest și Primul Kaganat Turc
Un nou complex de tezaure medievale timpurii din regiunea Niprului
Ungaria Uralică și maghiarii din regiunea Nistrului
Statuile cumane: o nouă tipologie și locul lor în ritualul funerar
Așezările fortificate circulare din Moldova: „excesul de scandinavomanie"
Arta decorativă a Rusiei Vechi: manierism și monumentalitate
Cum a căzut în 1240 ultimul bastion de apărare al Kievului
Politica lui Chagatai în Maverannahr
Geoarheologia crizelor seismice din Asia Centrală
Cultura bijuteriilor din Sardinia: ieri și astăzi

Colegiul editorial al numărului: Roman A. Rabinovici — redactor responsabil,
Alexei A. Romanciuk, Serghei N. Razumov

Sankt Petersburg. **Chişinău**. Odesa. Bucureşti.
2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНИКИ, КУЛЬТУРЫ, ПРОБЛЕМЫ

В. Е. Родинкова, О. С. Белявская (*Москва, Россия*). Новый комплекс круга днепровских раннесредневековых кладов из Суджанского региона 15

Н. Н. Серегин, С. С. Матренин (*Барнаул, Россия*), Н. Ф. Степанова (*Новосибирск, Россия*). Новые данные о материальной культуре населения юга Западной Сибири в эпоху Первого Тюркского каганата 31

А. П. Гаврилов (*Шилово, Россия*), В. В. Ставицкий (*Пенза, Россия*), М. А. Щеглов, С. И. Мильштейн (*Москва, Россия*). Могильник Ундрих и Тереховское городище по данным лидарной съемки 47

ВЕНГЕРСКИЕ ЭТЮДЫ

С. Г. Боталов (*Челябинск, Россия*), В. А. Иванов (*Уфа, Россия*), А. К. Кушкумбаев (*Астана, Казахстан*). Уральская Венгрия — этапы историко-культурного развития 61

Т. Д. Урсу (*Тирасполь, Молдова*), Н. П. Тельнов (*Кишинёв, Молдова*), А. Тюрк (*Будапешт, Венгрия*), В. С. Синика (*Тирасполь, Молдова*). Средневековые венгерские погребения с моделями топоров в Нижнем Поднестровье 77

«КАМЕННЫЕ ЛИЦА» ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Т. М. Потемкина (*Донецк*). Новая типология и старые проблемы в изучении половецких изваяний 103

А. А. Харламова (*Харьков, Украина*). Роль и место каменных изваяний в погребально-поминальных обрядах половцев 127

«SUMMA TECHNOLOGIARUM»

О. С. Румянцева, А. В. Мастыкова (*Москва, Россия*), М. В. Червяковская, В. С. Червяковский (*Екатеринбург, Россия*). Химический состав оконного стекла комплекса памятников на плато Тепсень и источники сырья для производства архитектурного стекла в Крыму и Северо-Восточном Причерноморье 141

В. Е. Кузнецов, А. Р. Смертин (*Пермь, Россия*). Технологические особенности производства средневековых гирек-разновесов с территории Пермского Предуралья 163

И. О. Горячев, Е. Г. Толмачева, О. В. Орфинская, В. В. Коробкова, М. С. Яковчик, О. П. Доброва, Ю. А. Ихлайнен, М. А. Статкус (*Москва, Россия*). Комплексное исследование древнерусских тканей из раскопок некрополя Тешиловского городища 173

Т. Н. Смекалова, С. К. Фридрихсон (*Симферополь, Крым*), А. Ю. Елизарова (*Феодосия, Крым*), Н.Б. Майко, М. Р. Мальгина, А. С. Деваев (*Симферополь, Крым*). Тайна двух акваманилов. Рентгено-флуоресцентное исследование сплава водолеев из Феодосийского музея древностей и Центрального музея Тавриды 213

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Д. Текаев (*Туркменабад, Туркменистан*). Нарратив и контраргументы: гибель последнего султана Сельджукидов Ирака Тогрула III (1177–1194) в зеркале мусульманской историографии 231

А. В. Майоров (*Санкт-Петербург, Россия*). «Непосредственно под властью татар»: установление монгольского правления в Киеве и Киевской земле 243

А. А. Порсин (*Астана, Казахстан*). Политика Чагатая в отношении Мавераннахра . . . 259

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

С. В. Лалазаров, Ст. А. Васильев, Н. В. Григорьева (*Санкт-Петербург, Россия*). Климентовская церковь в Старой Ладоге. Анализ архитектурных особенностей памятника по материалам археологических исследований XIX—XX вв. и новых раскрытий 2023 г. 269

Ф. Н. Веселов (*Санкт-Петербург, Россия*). «…Повалишася стены церковныя»: последний оплот обороны Киева в 1240 г. 295

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

К. В. Горлов, М. С. Павлова (*Санкт-Петербург, Россия*). Древнерусская геральдическая подвеска из раскопок в Старой Ладоге в 2025 г.: контекст, технология, атрибуция . .307

Н. В. Жилина (*Москва, Россия*). Древнерусское декоративное искусство конца XII — первой трети XIII в. Маньеризм и новая монументальность 321

ТРАЕКТОРИИ РЕМЕСЛА

Ю. В. Бучатская (*Санкт-Петербург, Россия*). Ремесленный цех как наследие. Прошлое и настоящее ремесла бамбергских овощеводов 341

О. Д. Фаис-Леутская (*Москва, Россия*). Ювелирная культура Сардинии вчера и сегодня: к вопросу об устойчивости традиции 355

А. А. Новик (*Санкт-Петербург, Россия*). Женская династия в мужской профессии: серебряная филигрань в Косово на рубеже XX–XXI веков 367

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

С. Ш. Кубаев (*Ташкент, Узбекистан*), А. М. Корженков (*Москва, Россия*), Д. Абдуалимова (*Ташкент, Узбекистан*), Л. А. Корженкова (*Москва, Россия*). Геоархеология сейсмических кризисов: землетрясения V–VI вв. в Центральной Азии и трансформация городских центров Чача и Согда 381

Т. В. Лобанова (*Екатеринбург, Россия*), О. В. Кардаш (*Сургут, Россия*). Хозяйство аборигенного населения Ямала XIII — сер. XIV веков по результатам археозоологических исследований городища Бухта Находка 397

ДИСКУССИИ

А. А. Романчук (*Кишинёв, Молдова*). Кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар и «эксцесс скандинавомании» 411

РЕЦЕНЗИИ

Л. В. Никифорова (*Санкт-Петербург, Россия*). Этнографический карнавал в миниатюре: каталог коллекции «Народы и наряды» Анны Жабревой 437

Список сокращений 441

Авторам *Stratum plus* 445

CONTENTS

SITES, CULTURES, AND PROBLEMS

V. E. Rodinkova, O. S. Beliavskaia (*Moscow, Russian Federation***). A New Assemblage Belonging to the Dnieper Early Medieval Hoard Horizon from the Sudzha Region 15**

N. N. Seregin, S. S. Matrenin (*Barnaul, Russian Federation***), N. F. Stepanova (***Novosibirsk, Russian Federation***). New Evidence on the Material Culture of the Population of Southern Western Siberia During the First Turkic Khaganate 31**

A. P. Gavrilov (*Shilovo, Russian Federation***), V. V. Stavitsky (***Penza, Russian Federation***), M. A. Scheglov, S. I. Milshtein (***Moscow, Russian Federation***). The Undrich Burial Ground and the Terekhovo Hillfort through the Lens of LiDAR Survey 47**

HUNGARIAN ETUDES

S. G. Botalov (*Chelyabinsk, Russian Federation***), V. A. Ivanov (***Ufa, Russian Federation***), A. K. Kushkumbaev (***Astana, Kazakhstan***). Ural Hungary: Phases of Historical and Cultural Development 61**

T. D. Ursu (*Tiraspol, Moldova***), N. P. Telnov (***Kishinev, Moldova***), A. Türk (***Budapest, Hungary***), V. S. Sinika (***Tiraspol, Moldova***). Medieval Hungarian Burials with Axe Models in the Lower Dniester 77**

“STONE FACES” OF THE GREAT STEPPE

T. M. Potyomkina (*Donetsk***). A New Typology and Old Problems in the Study of Cuman Sculptures 103**

A. A. Kharlamova (*Kharkiv, Ukraine***). The Role and Place of Stone Statues in Cuman Funerary and Memorial Rites 127**

«SUMMA TECHNOLOGIARUM»

O. S. Rumyantseva, A. V. Mastykova (*Moscow, Russian Federation***), M. V. Chervyakovskaya, V. S. Chervyakovskiy (***Yekaterinburg, Russian Federation***). Chemical Composition of Window Glass from the Churches of the Tepsen Plateau and Sources of Raw Materials for Architectural Glass in Crimea and the North-Eastern Black Sea Region 141**

V. E. Kuznetsov, A. R. Smertin (*Perm, Russian Federation***). Technological Features of Medieval Trade-Weight Production in the Perm Cis-Urals 163**

I. O. Goryachev, E. G. Tolmacheva, O. V. Orfinskaya, V. V. Korobkova, M. S. Iakovchik, O. P. Dobrova, Yu. A. Ikhlainen, M. A. Statkus (*Moscow, Russian Federation***). A Comprehensive Study of Ancient Rus’ Textiles from the Teshilovsky Settlement Necropolis 173**

T. N. Smekalova, S. K. Fridrichson (*Simferopol, Crimea***), A. Yu. Elizarova (***Feodosia, Crimea***), N. B. Maiko, M. R. Mal’gina, A. S. Devaev (***Simferopol, Crimea***). The Mystery of Two Aquamaniles. X-ray Fluorescence Analysis of Alloys from the Feodosia Museum of Antiquities and the Central Museum of Taurida 213**

HISTORICAL SKETCHES

D. Tekayev (*Turkmenabad, Turkmenistan***). Narratives and Counterarguments: Narratives and Counterarguments: The Death of Toghrul III (1177—1194), the Last Sultan of the Seljuks of Iraq, in Muslim Historiography 231**

A. V. Maiorov (*Saint Petersburg, Russian Federation***). “Directly under Tatar Rule”: The Establishment of Mongol Rule in Kiev and the Kievan Land 243**

A. A. Porsin (*Astana, Kazakhstan***). Chagatai’s Policy towards Mawarannahr 259**

RESEARCH AND PUBLICATIONS

S. V. Lalazarov, S. A. Vasiliev, N. V. Grigoreva (*Saint Petersburg, Russian Federation***). The Church of St. Clement in Staraya Ladoga. An Analysis of the Architectural Features of the Monument Based on the Materials of Archaeological Research of the 19th–20th Centuries and New Exposures in 2023 . . . . . 269**

F. N. Veselov (*Saint Petersburg, Russian Federation***). «…But the Church Walls Collapsed»: the Last Stronghold of Kiev Defense in 1240 . . . . . 295**

ARCHAEOLOGY OF IDEAS

K. V. Gorlov, M. S. Pavlova (*Saint Petersburg, Russian Federation***). Ancient Russian Heraldic Pendant from the Excavations of 2025 in Staraya Ladoga: Context, Technology, and Attribution 307**

N. V. Zhilina (*Moscow, Russian Federation***). Old Russian Decorative Art from the Late Twelfth to the First Third of the Thirteenth Century: Mannerism and New Monumentality . . 321**

CRAFT TRAJECTORIES

Ju. V. Buchatskaya (*Saint Petersburg, Russian Federation***). A Craft Guild as Heritage. The Past and Present of the Bamberg Gardeners’ Craft 341**

O. D. Fais-Leutskaia (*Moscow, Russian Federation***). Sardinian Jewelry Culture, Past and Present: On the Sustainability of Tradition 355**

A. A. Novik (*Saint Petersburg, Russian Federation***). A Female Dynasty in a Male-Dominated Profession: Silver Filigree in Kosovo at the Turn of the Twenty-First Century 367**

ECO-SOCIAL RECONSTRUCTONS

S. Sh. Kubaev (*Tashkent, Uzbekistan***), A. M. Korzhenkov (***Moscow, Russian Federation***), D. Abdualimova (***Tashkent, Uzbekistan***), L. A. Korzhenkova (***Moscow, Russian Federation***). Geoarchaeology of Seismic Crises: Fifth- and Sixth-Century AD Earthquakes and the Transformation of Urban Centers in Chach and Sogd 381**

T. V. Lobanova (*Yekaterinburg, Russian Federation***), O. V. Kardash (***Surgut, Russian Federation***). The Economy of Yamal’s Indigenous Population from the Thirteenth to the Mid-Fourteenth Century: Archaeological and Archaeozoological Evidence from the Bukhta Nakhodka Settlement 397**

DISCUSSIONS

A. A. Romanchuk (*Kishinev, Moldova***). Ringforts of the Ekimautsy-Alchedar Type and the “Excess of Scandinavian Mania” 411**

REVIEWS

L. V. Nikiforova (*Saint Petersburg, Russian Federation***). An Ethnographic Carnival in Miniature: a Catalogue of Anna Zhabreva’s “Peoples and Costumes” Collection 437**

Abbreviations 441

Submissions 445

№5. 2026 DOI: https://doi.org/10.55086/sp265411436

А. А. Романчук

Кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар и «эксцесс скандинавомании»

Keywords: archeology, Western Slavs, Great Moravia, migration, Ulichy, Ekimautsy-Alchedar, ringforts

Cuvinte cheie: arheologie, slavii occidentali, Marea Moravie, migrație, ulici, Echimăuți-Alcedar, cetăți circulare

Ключевые слова: археология, западные славяне, Великая Моравия, миграция, уличи, Екимауцы-Алчедар, кольцевые городища

A. A. Romanchuk

Ringforts of the Ekimautsy-Alchedar Type and the “Excess of Scandinavian Mania”

The article analyzes I. Tentyuk’s attempt to attribute the Ekimautsy-Alchedar-type ringforts to a Scandinavian tradition. It demonstrates that this attribution is entirely unsubstantiated and cannot withstand critical scrutiny. With several clarifications and additions, the analysis supports the previously proposed and substantiated hypothesis of R. A. Rabinovich and S. S. Ryabtseva concerning the West Slavic origin of the population that built these ringforts. The only plausible explanation for their origin is a ninth-century migration of a West Slavic group from Great Moravia or a neighboring area that was, in any case, clearly within its cultural and political sphere of influence. However, unlike R. A. Rabinovich and S. S. Ryabtseva, the author associates this migration and the Ekimautsy-Alchedar ringforts with the Ulichi.

A. A. Romanchuk

Cetățile circulare de tip Echimăuți-Alcedar și „excesul de scandinavomanie”

Articolul prezintă analiza încercării lui I. Tentiuc de a propune o atribuire de origine scandinavă a cetăților circulare de tip Echimăuți-Alcedar. Se demonstrează că această încercare nu este argumentată în niciun fel și nu rezistă criticii. Pe baza rezultatelor analizei este confirmată, cu unele precizări și completări, ipoteza formulată și argumentată anterior de R. A. Rabinovici și S. S. Ryabtseva privind originea slavă occidentală a populației care a creat cetățile circulare de tip Echimăuți-Alcedar. Se demonstrează că singura explicație acceptabilă a originii acestora este legată de migrația, în secolul al IX-lea, a unui anumit grup slav occidental de pe teritoriul Moraviei Mari (sau din teritoriile învecinate acesteia, care, în orice caz, făceau în mod indiscutabil parte din sfera sa de influență culturală și politică). Cu toate acestea, spre deosebire de R. A. Rabinovici și S. S. Ryabtseva, autorul propune să pună în legătură această migrație și monumentele de tip Echimăuți-Alcedar cu ulicii.

А. А. Романчук

Кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар и «эксцесс скандинавомании»

В статье представлен анализ попытки И. Тентюка предложить скандинавскую атрибуцию кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар. Показано, что эта попытка никак не аргументирована и не выдерживает критики. По результатам анализа подтверждается, с некоторыми уточнениями и дополнениями, предложенная и аргументированная ранее Р. А. Рабиновичем и С. С. Рябцевой гипотеза о западнославянском происхождении населения, создавшего кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар. Показано, что единственно приемлемое объяснение их происхождения связано с миграцией в IX веке некоей западнославянской группы с территории Великой Моравии (или соседних с ней — но в любом случае безусловно входящих в орбиту ее культурного и политического влияния). Однако, в отличие от Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой, автор предлагает связывать эту миграцию и памятники типа Екимауцы-Алчедар с уличами.

The work was carried out within the framework of the project «Research and valorization of the built, ethnographic, archaeological and artistic cultural heritage of the Republic of Moldova in the context of European integration» (Code: 170101), funded by the State Program (2024—2027) ■ Suprogramul de cercetare (2024—2027). 170101. Cercetarea și valorificarea patrimoniului cultural construit, etnografic, arheologic și artistic din Republica Moldova în contextul integrării europene ■ Работа была выполнена в рамках проекта «Исследование и оценка архитектурного, этнографического, археологического и художественного культурного наследия Республики Молдова в контексте европейской интеграции» (Код: 170101), финансируемого в рамках Государственной Программы Республики Молдова (2024—2027 гг.)

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. А. Романчук, 2026.

Светлой памяти Светланы Станиславовны Рябцевой

В июне этого года исполнилось семь лет со дня смерти С. С. Рябцевой. Человека и ученого, с которым меня связывало более двадцати лет дружбы и общей работы. И думается, что вспомнить сегодня о том, что составляло главное дело ее жизни — будет наилучшим, из всех возможных, способом почтить ее память

Итак, до недавнего времени в литературе существовали две точки зрения по поводу происхождения и этнокультурной атрибуции памятников типа Екимауцы-Алчедар. Первая, более ранняя, рассматривала их попросту как древнерусские. Позже, в 90-е годы прошлого века, Р. А. Рабиновичем была предложена и аргументирована во многих работах (с определенного момента — совместно с С. С. Рябцевой) идея о том, что памятники типа Екимауцы-Алчедар были созданы группой западнославянского населения, мигрировавшей в Пруто-Днестровский регион со Среднего Дуная, скорее всего — с территории Великой Моравии (Рабинович 1997; Рабинович, Рябцева 2009; 2016; Рябцева, Рабинович 2018). В более поздних работах авторы гипотезы склонялись к выводу (хоть и весьма осторожно сформулированному), что памятники типа Екимауцы-Алчедар «... в IX–X вв. могут рассматриваться, как своеобразный восточный дериват культуры Бьело Брдо» (Рябцева, Рабинович 2018: 455). То есть археологической культуры, возникшей в результате симбиоза западных славян (их среднедунайских групп) и венгров.

Идея Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой была весьма обстоятельно аргументирована и, сразу замечу, лично мне представляется безальтернативно верной.

Тем удивительнее наблюдать феномен, возникший в молдавской археологии в последние годы в связи с попыткой ре-интерпретации памятников типа Екимауцы-Алчедар. И приписать их создание, ни много-ни мало — скандинавам.

Увы, при всем желании я не могу оценить эту попытку иначе, как проявление своего рода «скандинавомании». Обусловленное никак не научными соображениями, но мотивами скорее социально-психологическими. «Эксцесс скандинавомании», как я выразился в заглавии статьи. Из нижеследующего текста, я надеюсь, правомерность такой оценки станет вполне ясной.

Собственно автором данной идеи является И. Тентюк (Тентюк 2020). Однако с момента публикации количество сторонников этой идеи среди молдавских археологов выросло, и в том числе к ним присоединился Г. И. Постикэ (Tentiuc, Poctică 2025: 47). А в прошлом году на одной из конференций в Институте культурного наследия Академии наук Молдовы я с немалым удивлением услышал, как Л. Бакуменко-Пырнэу говорит об идее И. Тентюка как о чем-то не только вполне доказанном, но и получившем общее признание.

Мнение Л. Бакуменко-Пырнэу можно бы и оставить без комментария — она никак не может рассматриваться в качестве авторитета в данной теме. Однако, похоже, что на сегодняшний день значительная часть молдавской археологии действительно воспринимает точку зрения И. Тентюка как доказанную. И то, что никто из них не близок к вопросу — ситуацию никак не меняет. Скорее, даже усугубляет.

Поскольку на наших глазах фактически беспрепятственно конструируется миф, который способен очень надолго сбить с пути и затормозить развитие не только молдавской археологии, но и вообще археологии европейского раннего средневековья. Опасность этого тем больше, что количество исследователей, занимающихся данными проблемами, с каждым годом становится все меньше. То есть, все меньше людей, которые способны попросту заметить и понять, что в данном случае мы имеем дело именно с искусственно создаваемым мифом. И создаваемым, добавлю, буквально из ничего, «на ровном месте».

Именно это соображение и является еще одним фактором, который побуждает меня высказаться по данному вопросу. Тем более, что он близок мне как исходя из моих научных интересов в области варяго-русской дискуссии (из недавних работ: Romanchuk 2023; Романчук 2024a; 2024b), так и интересов в области этноязыковых процессов Карпато-Днестровского региона раннего средневековья (из недавних работ: Романчук 2024).

Должен также заметить, что, хотя ошибочность идеи И. Тентюка была ясна мне изначально, я достаточно долго медлил с ее критикой. И причина прежде всего в том, что с И. Тентюком (да и с Г. И. Постикэ) у меня хорошие личные отношения.

Как бы то ни было, сегодня я решаюсь все же сделать то, что следовало бы ранее. И искренне надеюсь, что и И. Тентюк, и Г.И. Постикэ воспримут мою критику именно как дружескую. И нацеленную на достижение нашего общего главного интереса как ученых — уяснения истины и дальнейшего развития науки.

Впрочем, приступим к анализу аргументации И. Тентюка (Тентюк 2020).

Итак, начинает (и это, на мой взгляд, неправильно) И. Тентюк с собственно кольцевых городищ — конструкцию которых он также приписывает скандинавам. Но, что крайне существенно — именно приписывает. Поскольку никакой аргументации этого тезиса в соответствующем разделе статьи попросту нет. Подчеркну — нет. Мы имеем лишь голый тезис — без каких-либо доказательств.

При этом И. Тентюк допускает весьма существенные искажения как предшествующей историографии, так и реальной ситуации с распространением кольцевых городищ в раннем средневековье Европы. Например, он пишет: «подобные городища были характерны для регионов Северной Европы, в том числе пространства между Вислой и Одером» (Тентюк 2020: 208). И далее: «Попытка П.А. Раппопорта найти аналогии поднестровским круглым городищам в западнославянском ареале не принесла результатов» (Тентюк 2020: 209).

Однако, во-первых, «пространство между Вислой и Одером» — никак не «Северная Европа». Северная Европа — это Финляндия, Норвегия, Швеция и Дания. Во-вторых, кольцевые городища известны не «в том числе» между Вислой и Одером. Как следует из данных П.А. Раппопорта, «круглые городища очень широко распространены на западнославянских территориях. **Особенно много их встречается в землях полабских и поморских славян** (выделено мной. — А. Р.), где эти городища относятся в основном к IX—X вв.» (Раппопорт 1967: 195). То есть, именно западнославянские земли «между Вислой и Одером» (точнее, на самом деле — между Эльбой и Вислой) и являют собой зону максимальной популярности кольцевых городищ в раннем средневековье Европы.

Неверно и то, что П.А. Раппопорт не нашел аналогий городищам типа Екимауцы-Алчедар в западнославянском ареале. Напротив, они весьма многочисленны — вопрос лишь в том, с каким именно регионом западнославянского мира следует связывать происхождение кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар. Именно так он этот вывод и сформулировал: «к сожалению, пока еще неясно, с каким кругом памятников западнославянского мира следует связывать кольцевые городища первой и второй групп» (Раппопорт 1967: 199).

Далее, действительно, «городища круглой в плане формы известны в Дании, Швеции, Англии, Германии, Нидерландах, а также в Польше (Мазовия) и Чехии» (Тентюк 2020: 209). Однако, во-первых, в Польше круглые городища известны не только в Мазовии — но и в Нижнем Привисленье, Силезии, Великопольше и районе Люблина. Как уточняет П.А. Раппопорт, «Очевидно, что круглый тип укреплений имел довольно широкое распространение почти на всей территории Польши...» (Раппопорт 1967: 195).

Во-вторых, Северная Германия (а именно о Северной Германии здесь должна идти речь (Раппопорт 1967: 195, прим. 43)), вплоть до Эльбы, в рассматриваемое время — это как раз тоже зона расселения славян (тех же полабских славян, в частности). Проникают отдельные группы славян в эту эпоху и на юг Ютландского полуострова (то есть — современной Дании), и даже на территорию Нидерландов (точнее, во Фрисландию — где вильцами был основан Вильтабург-Утрехт (и где они «жили в ладу с фризами») (Гильфердинг 1855: 66–69)) и Сконе (Южной Швеции) (Гильфердинг 1855: 33).

В-третьих, «известны» и «доминируют» — это очень разные вещи. Какова реальная распространенность круглых городищ в Европе вне западнославянского ареала?

Увы, этот вопрос И. Тентюк себе даже не задает. А он крайне существенен — поскольку одно дело, когда мигрирующее население приносит с собой доминирующий у них тип городищ (западные славяне), и совсем другое — когда почему-то абсолютно для них периферийный (гипотетические «скандинавы» И. Тентюка).

Наконец, и П.А. Раппопорт, и И. Тентюк здесь говорят о вообще «круглых городищах». Однако совершенно также очевидно, что имеется существенная разница между миниатюрными кольцевыми городищами типа Екимауцы-Алчедар — и, например, огромными «военными лагерями» викингов в Ютландии (как Треллеборг — 136 метров в диаметре; Аггерсборг — 280 метров в диаметре). Это принципиально различные типы сооружений — и рассматриваться в одной и той же категории они попросту не могут.

Собственно, именно это и отмечает Ф.-Н. Деннингхауз в своей диссертации, посвященной круглым городищам (ringforts)

Эланда. Позвольте, в силу важности вопроса, достаточно развернутую цитату: «The Danish archaeologist L. Jørgensen divided Danish settlements from the 6th to the 11th centuries, including sites from southern Sweden, into seven categories. As seventh group he namesfortified sites "with a defensive character (refuge forts) or with a definite garrison character (such as Trelleborg, Aggersborg and Fyrkat)" ... The Danish Viking Age fortresses Trelleborg, Aggersborg and Fyrkat differentiate from the Olandic ringforts in their inner structure, the construction of the ring-wall, purpose, function, period of construction and usage ..., and cannot be compared with each other» [«Датский археолог Л. Юргенсен разделил датские поселения VI-XI веков, включая поселения южной Швеции, на семь категорий. В качестве седьмой группы он назвал укрепленные поселения «оборонительного характера (убежища) или с определенным гарнизоном (такие как Треллеборг, Аггерсборг и Фюркат)» ... Датские крепости эпохи викингов Треллеборг, Аггерсборг и Фюркат отличаются от эландских кольцевых крепостей своей внутренней структурой, конструкцией кольцевой стены, назначением, функцией, периодом строительства и использования ... и не могут быть сопоставлены друг с другом»] (Denninghaus 2019: 6).

Не имея здесь ни намерения, ни возможности углубляться далее в этот вопрос, ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Во-первых, даже круглые городища Эланда (не говоря о «лагерях викингов») в среднем существенно превышают по размерам городища типа Екимауцы-Алчедар. Именно, круглые городища Эланда, начинаясь от порядка 50 метров в диаметре, в основном (более 50% от числа известных) имеют внутренний диаметр в диапазоне 60–100 метров, а четыре (30% выборки) самых больших — приближаются к 200 метрам (Греборг — 210 метров в диаметре) (Denninghaus 2019: 15).

Далее, во-вторых, у кольцевых укреплений Эланда «... стены построены методом сухой кладки в виде пустотелых стен с внешней и внутренней облицовкой, заполненных смесью известковых и серых каменных блоков, а иногда и валунами» (Denninghaus 2019: 15). То есть, конструктивно они тоже весьма существенно отличаются от кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар — с их деревянно-земляными срубными конструкциями, заполненными глиной и облицованными с внешней стороны камнем: «основной конструктивной особенностью оборонительных сооружений круглых городищ было наличие деревянного каркаса, заполненного глиной, камнями и землей. Снаружи валы имели панцирное покрытие из известняковых плоских камней» (Рабинович, Рябцева 2016а: 218).

Наконец, в-третьих, городища Эланда имели в первую очередь четкую военно-оборонительную функцию (размещаясь, в том числе, на сравнительно возвышенных (относительно равнинного ландшафта Эланда) и естественно защищенных местах). И это — именно городища-убежища, которые (за исключением Эккеторпа II) даже не имели постоянного населения (Denninghaus 2019: 16). Тогда как кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар — очевидно не были городищами-убежищами. А их военно-оборонительная функция достаточно своеобразна: «Расположение круглых городищ в низинах, в лощинах между высокими соседними мысами позволяло противнику обстреливать их с соседних высот. Их размеры не позволяли вместить значительного количества защитников. Это притом, что население посада вокруг кольцевых городищ, например, Алчедара или Германарие, достигало не менее нескольких тысяч человек» (Рабинович, Рябцева 2016а: 219).

В отличие от Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой, я не склонен вовсе отказывать городищам типа Екимауцы-Алчедар в военно-оборонительной функции. Но реализовывали эту функцию они, очевидно, весьма своеобразным образом — используя, в отличие от представителей других археологических культур региона, как синхронных, так и асинхронных, в качестве естественной защиты не высоту холмов и крутизну обрывов. А — скрытность расположения, топи пойм рек, воды ручьев и, видимо, густые леса (которыми, надо полагать, зарастали, как и в наши дни, те ущелья, на дне которых прятались кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар). Это, по всей видимости, принципиально иной тип защищенности — и ниже мы на это еще обратим внимание.

Тем не менее, и в военно-оборонительном отношении разница между городищами-убежищами Эланда и городищами типа Екимауцы-Алчедар — на мой взгляд, очевидна.

Все эти факты уже делают весьма сомнительной попытку И. Тентюка апеллировать к скандинавским параллелям для кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар.

Поэтому можно также констатировать, что истоки кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар могут быть найдены (и именно в западнославянском мире, полагаю) лишь тогда,

когда мы будем исходить не просто из их «круглой формы», но и из характерных конструктивных элементов (устройства вала, в первую очередь), планировки, размеров и, что особенно существенно — ландшафтной приуроченности.

Ландшафтную приуроченность я полагаю здесь именно первостепенно значимым признаком, поскольку у кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар она, как мы видели выше, крайне своеобразна. И именно опираясь на этот факт, а также на факт миниатюрности кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар (городище Германарие, к примеру, имеет около 36–38 метров в диаметре) и некоторые особенности их планировки (прежде всего — характерные колодцы) и материальной культуры, Р. А. Рабинович обосновал вывод, который (с учетом поправок, изложенных абзацем выше) представляется мне если не совершенно верным, то уж весьма близким к истине — городища типа Екимауцы-Алчедар являются прежде всего святилищами, ритуальными сооружениями (Рабинович 2006: 191)[1].

Именно этот факт, на мой взгляд, и является ключевой отправной точкой в поиске происхождения кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар. И здесь существенное значение имеют также некоторые моменты, отмеченные еще П. А. Раппопортом — но в последующем обсуждении проблемы явно выпавшие из поля зрения исследователей.

Именно, во-первых, П. А. Раппопорт четко обозначил, в каких областях западнославянского мира истоки городищ типа Екимауцы-Алчедар по определению найдены быть не могут. Он обращает внимание, что основная территория Галицкой Руси «выделяется среди западнорусских земель в самостоятельный район не своеобразным типом круглых городищ, а, наоборот, отсутствием таких городищ» (Раппопорт 1967: 196). Кстати, этот факт уже должен был насторожить И. Тентюка — поскольку его гипотетические «скандинавы» могли двигаться только как раз через Галичину и Волынь (оставляя там свои следы). Но ни в Галичине, ни на Волыни (где распространен т. н. «волынский тип» городищ, подпрямоугольной формы (Раппопорт 1967: 198)) — аналогий городищам типа Екимауцы-Алчедар как раз и нет.

Отсутствие круглых городищ в Галицкой земле П. А. Раппопорт связал с ее культурной и политической ориентацией на Малопольшу — где «круглые крепости также не применялись» (Раппопорт 1967: 198). Происхождение же городищ «волынского типа» — с Западным Поморьем, прежде всего — районом Волина (Раппопорт 1967: 198), обращая также внимание на очевидное родство топонимов Волин и Волынь. Наконец, происхождение городищ его третьей (очень немногочисленной) группы (с несколькими кольцевыми валами), представленной в регионе Черной Руси и Холма — с влиянием из Мазовии (Раппопорт 1967: 199).

Соответственно, можно полагать, что все вышеуказанные регионы (Малопольша, Западное Поморье и Мазовия) западнославянского мира (как и перечисленные западнорусские земли), с большой вероятностью исключаются в качестве возможного источника традиции кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар. Впрочем, что касается Мазовии, то, по современным данным, кольцевые городища для нее (для Северной Мазовии, точнее) все же как раз характерны (Biermann 2015) — ниже мы остановимся на этом подробнее.

Однако в работе П. А. Раппопорта содержатся также указания и на те западнославянские (и западнорусские) земли, где аналогии кольцевым городищам типа Екимауцы-Алчедар как раз могут быть отысканы.

Во-первых, в этом качестве следует, полагаю, обратить внимание на его вторую группу круглых городищ — «простые круглые городища обычно небольшого размера, расположенные среди болота и окруженные невысоким валом, а иногда вовсе лишенные вала. Находятся на территории Полесья — в северных районах Волыни и западной части Турово-Пинской земли» (Раппопорт 1967: 196). Отнюдь не имея в виду, что их происхождение является общим с городищами типа Екимауцы-Алчедар (то есть, что они возникли в результате одного и того же импульса, или хотя бы даже импульса из одного и того же региона западнославянского мира), мне кажется важным обратить внимание на их ландшафтную и, по всей видимости, функциональную близость к городищам типа Екимауцы-Алчедар.

То есть можно предполагать, что, как и городища типа Екимауцы-Алчедар, круглые болотные городища Западного Полесья (вторая группа П. А. Раппопорта) являлись в первую очередь святилищами, ритуальными комплексами (см. в этой связи: Русанова, Тимо-

[1] Смотрите в связи с малыми городищами-святилищами славян также работу: Русанова, Тимощук 2007: 44—51.

щук 2007: 44–51). И, соответственно, выражают сходную или даже родственную традицию, связанную с родственными же западнославянскими группами.

Далее, во-вторых, в работе П. А. Раппопорта содержится указание (со ссылкой на работу А. Хейны — (Hejna 1957)) на то, что известны круглые городища и на территории Чехии — где они появляются в IX-X веках, получают широкое распространение в XI—XII веках, и резко сокращаются с середины XIII века. Что имеет ключевое значение — эти круглые городища располагаются «на плоской местности» (Раппопорт 1967: 195). То есть, очевидно — также, как и городища типа Екимауцы-Алчедар, в низких, плохо приспособленных для обороны местах.

Моравия, как известно, расположена в восточной части современной Чехии. И, с учетом других известных фактов, полагаю, именно здесь в первую очередь и следует искать истоки кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар.

Ниже я еще углублюсь в данный вопрос и выскажу некоторые соображения на этот счет.

Но прежде хочу обратить внимание на другой, и принципиально важный, момент. Именно, рассуждая о происхождении памятников типа Екимауцы-Алчедар, мы, безусловно, должны пытаться отыскать истоки и собственно самой идеи (и конструкции) этих кольцевых городищ. Однако, пытаясь в этом вопросе начать именно с самих городищ (как поступил И. Тентюк), мы фактически «ставим телегу впереди лошади». Поскольку и сама идея кольцевых городищ распространена достаточно широко, и способы ее реализации (то есть — строительства круглого дерево-земляного укрепления) очень ограничены. Что делает весьма вероятным вариант, когда в двух разных регионах, даже независимо друг от друга — именно сходные (даже почти до тождества) решения и будут реализованы.

Поэтому начинать поиск происхождения памятников типа Екимауцы-Алчедар необходимо, полагаю, отнюдь не с самих кольцевых городищ.

Очевидно, что в решении этого вопроса первостепенное и принципиальное внимание мы все же должны обращать на главное — на происхождение той материальной культуры, которая характеризует эти кольцевые городища. И прежде всего — массовых категорий вещевого материала. Безусловно, что именно он является решающим аргументом в вопросе происхождения памятников типа Екимауцы-Алчедар.

Принимая же во внимание этот момент, мы вынуждены констатировать, что попытка И. Тентюка атрибутировать Екимауцы-Алчедар скандинавам — с самого начала опиралась даже на не на «песок». А на, буквально, «зияющую пустоту». Поскольку такая, наиболее массовая (десятки тысяч фрагментов), и ключевая для культурной атрибуции памятников типа Екимауцы-Алчедар категория материальной культуры, как керамика — безусловно свидетельствует в пользу Великой Моравии как исходного региона миграции западнославянских групп, создавших культуру типа Екимауцы-Алчедар. Этот факт бесспорен и попросту общепризнан в историографии.

Как подчеркивали Р. А. Рабинович и С. С. Рябцева, «о сходстве керамики кольцевых городищ с блучинской неоднократно писал Георгий Федоров. Это же отмечал и Ион Хынку, предложивший типологию керамики с трех кольцевых городищ — Алчедара, Екимауц и Лукашевки. Исследователь привел большинству выделенных им типов и вариантов более или менее близкие аналогии в синхронных древностях Моравии, Чехии и Польши» (Рабинович, Рябцева 2016: 331).

Последний момент следует выделить особо — родство керамики типа Екимауцы-Алчедар и великоморавской типа Блучина признал и аргументировал не кто иной, как И. Г. Хынку. То есть исследователь, стоявший, как и И. Тентюк, на той же теоретической позиции безоговорочного «восточнороманского континуитета» в Карпато-Днестровских землях. И для И. Тентюка — безусловный авторитет и даже учитель.

В своей статье (Тентюк 2020) он, однако, вопросу керамики типа Алчедар-Екимауцы не уделил ни единой строчки. Ни единой, еще раз подчеркну. И понятно, почему — потому что в противном случае весь его последующий труд по конструированию «скандинавской гипотезы» изначально не имел бы ни малейшего смысла.

Обращение к великоморавским материалам показывает, что происхождение гончарной керамики типа Екимауцы-Алчедар действительно связано с великоморавской керамикой типа Блучина (“Blučina pottery group”, или “Blučina type”).

Как указывает К. Кютрайбар, «The vessels of this form are decorated with grooves over a wide area, accompanied by single wavy lines, which are typically in the neck and/or belly area» [«Сосуды такого типа украшены бороздками

на широкой поверхности, сопровождаемыми одиночными волнистыми линиями, которые обычно располагаются в области горлышка и/или тулова»] (Kühtreiber 2019: 460, 461, fig.19; см. также: Vlkolinská 1994: 88; Staňa 1994; Macháček 2001: 225).

Под «бороздками» здесь понимаются горизонтальные резные линии (термином «grooves» в англоязычной литературе обычно передаются каннелюры, но в данном случае речь явно идет именно о резных линиях). Керамика типа Блучина характеризуется как раз минимальным использованием волнистых линий (что характерно для другой группы великоморавской керамики, типа Микульчице) — и очень широким (иногда — покрывающим большую часть тулова сосудов) использованием горизонтальных резных линий.

Именно это характеризует и керамику типа Екимауцы-Алчедар (Равдина 1988: 61, рис. 3–8; Рабинович, Рябцева 2016: 330, рис. 2).

Также одной из весьма специфических особенностей керамики типа Блучина является использование слюды в тесте (Kühtreiber 2019: 460). Как, заметим, и керамики типа Екимауцы-Алчедар (Рабинович, Рябцева 2016: 329). Впрочем, эта особенность и вообще характерна для керамики Великой Моравии — включая и тип Микульчице (Kühtreiber 2019: 446).

Керамика типа Блучина широко распространялась в Южной Моравии (Kühtreiber 2019: 444) — хоть и уступая по распространенности другому типу моравской керамики, типу Микульчице. При этом по качеству керамика типа Блучина существенно превосходила керамику типа Микульчице — что побуждает чешских и словацких исследователей трактовать керамику типа Блучина как «столовую» (Kühtreiber 2019: 444).

Не оспаривая этой точки зрения, замечу, что из данных самих этих исследователей вполне явствует и большая древность керамики типа Микульчице. А также и то, что керамика типа Блучина имела и определенную, более узкую, территориальную приуроченность[2]. Позвольте развернутую цитату: «... the Brunn area with the nearby Blučina was a main distribution area for this pottery. ... This pottery also occurs at Břeclav-Pohansko (as part of Macháček's typological "Group E"... but not in Staré Město. The motifs also occur in Nitra, where the pottery from the cemetery at Nitra-Lupka, for example, includes numerous vessels with identically composed decoration. The chronological range of this pottery is once again likely to be above all in the second half of the 9th and the early 10th centuries» [«Район Брно с расположенной неподалеку Блучиной был основным районом распространения этой керамики. ... Эта керамика также встречается в Бржецлав-Поганско (как часть типологической «Группы Е» Махачека …), но не в Старе Место. Мотивы также встречаются в Нитре, где, например, керамика из могильника в Нитра-Лупке включает многочисленные сосуды с идентичным декором. Хронологический диапазон этой керамики, вероятно, относится прежде всего ко второй половине IX и началу X веков»] (Kühtreiber 2019: 460).

Добавим к вышесказанному, что, как следует из данных самой К. Кютрайбар, керамика типа Блучина также представлена в Нижней Австрии. Полагаю, это имеет существенное значение при поиске истоков традиции Екимауцы-Алчедар.

В целом, как характеристики керамики типа Блучина соответствуют характеристикам керамики типа Екимауцы-Алчедар, так и датировка керамики типа Блучина (вторая половина IX и начало X вв.) вполне соответствует той хронологии памятников типа Екимауцы-Алчедар, которую предложил Р. А. Рабинович — возникновение их «не позднее конца IX века» (Рабинович 2018: 476). Эта хронология, замечу попутно, представляется мне вполне обоснованной и убедительной.

Не углубляясь более в вопрос о керамике, отмечу: на сегодняшний день, разумеется, назрела необходимость дальнейшего углубления исследователей в эту проблему. В первую очередь — необходима выработка новой типологии керамики Екимауцы-Алчедар и ее сопоставление с актуальными представлениями чешских и словацких исследователей о керамике типа Блучина (и вообще великоморавской керамике). Уверен, это принесет крайне интересные результаты.

Однако такие задачи явно выходят за рамки данной статьи, и не являются насущно необходимыми с точки зрения ее главной цели.

Главное, еще раз повторим, что происхождение керамики Екимауцы-Алчедар в связи с великоморавской керамикой типа Блучина — не вызывает никаких сомнений. И это, соответственно, уже полностью ставит крест на «скандинавской гипотезе» И. Тентюка.

[2] Как известно, Й. Поулик в свое время даже предложил гипотезу о связи керамики типа Блучины с неким отдельным, пока неизвестным, славянским племенем — от которой, правда, позже отказался.

Тем более, что именно на Великую Моравию указывает и другой массовый компонент материальной культуры памятников типа Екимауцы-Алчедар — ювелирные украшения. Это было детально продемонстрировано С. С. Рябцевой во многих работах (в частности: Рябцева 1999: 345; Рабинович, Рябцева 1997; 2016: 334), и не вижу необходимости повторять здесь ее выводы. Разве что подчеркну: «зона, маркирующаяся в Пруто-Днестровье кольцевыми городищами Екимауцы и Алчедар, не только наиболее насыщена ювелирными украшениями, но и содержит наибольший процент изделий, имеющих аналогии в древностях Подунавья» (Рабинович, Рябцева 2009: 295), и особенно — Великой Моравии.

На Центральную (и отчасти Юго-Восточную Европу) и западных славян указывают и характерные (и весьма многочисленные — 90 экземпляров из Алчедара, и не менее 70 — из Екимауц) находки втульчатых наконечников стрел на кольцевых городищах типа Екимауцы-Алчедар (Rabinovici 2002: 238).

Таким образом, опираясь именно на массовый материал, указывающий на Великую Моравию как исходный регион миграции населения, создавшего памятники типа Екимауцы-Алчедар, мы теперь с полным основанием можем искать в данном регионе (или на прилегающих к нему территориях) — и истоки самих кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар.

Поэтому, возвращаясь теперь к проблеме собственно кольцевых городищ, представим прежде всего подробнее данные упомянутой выше работы А. Хейны. Они, полагаю, крайне любопытны.

Итак, применительно к рассмотренным А. Хейной кольцевым городищам Чехии, речь идет о миниатюрных (порядка 30 метров в диаметре) круглых земляных укреплениях, расположенных «на ровной местности, в болотистых низинах» (Hejna 1957: 237). Они встречаются главным образом в бассейне Эльбы (здесь подразумевается А. Хейной — в той ее части, которая протекает на территории Чехии, Чешском Полабье). Однако, известны и в Моравской котловине на территории Нижней Австрии (Hejna 1957: 233) — регионе, который традиционно связан с собственно Моравией.

А также, уже вне пределов Чехии — очень широко представлены у полабских славян.

При этом, что касается полабских славян, то на тот момент «относительно происхождения этих сооружений консенсус ещё не достигнут. В Германии В. Радиг последовательно придерживается “саксонской” концепции, сформулированной ещё К. Шухардтом, рассматривая их как исконно саксонское явление, возникшее во времена правления Генриха I. В противоположность ему В. Хюлле, а вместе с ним и П. Гримм, тщательно различают “укреплённое городище” и “городище/мотт”; оба не видят причин, по которым небольшие земляные кольцевые укрепления, возведённые в низинах, не могут считаться сооружениями славянского происхождения, учитывая, что находки неизменно имеют славянский характер» (Hejna 1957: 237).

Хронологически эти «болотные», или низинные, кольцевые городища у полабских славян датируются (датировались на тот момент. — А. Р.) «X—XI вв.». И, далее: «... работы польских исследователей, особенно Р. Якимовича, В. Коваленко и Я. Каминской, дали настолько важные результаты, что могут служить отправной точкой для установления славянского происхождения этих небольших земляных кольцевых укреплений. Многочисленные примеры, приведенные этими авторами для территории Великой Польши и Центральной Польши, в целом демонстрируют ту же ситуацию, что и у немецких исследователей в Саксонии и к востоку от Эльбы. В Польше также встречаются плоские круглые сооружения на болотистой местности, меньшие из которых, диаметром до 50 м, появляются не ранее X века» (Hejna 1957: 237).

Если обратиться к современным исследованиям, то согласно им, для полабских славян были крайне характерны «... small lowland ringforts, sometimes known as the Tornow type … They were small, 60–90 m diameter circular ringforts with strong wood and earth ramparts, shallow ditches ... intensive settlement relics, often with several wells and almost always accompanied by an unfortified outer bailey settlement. Such forts were built from the second half of the ninth century and their popularity peaked in the first half of the tenth century. They appear throughout the whole Polabian area in different numbers» [«Небольшие кольцевые укрепления в низинах, иногда называемые «торновским типом». Они представляли собой важнейший тип укреплений X века. Это были небольшие круглые кольцевые укрепления, диаметром 60–90 м, с мощными деревянными и земляными валами, неглубокими рвами, … следами интенсивного обитания, часто с несколькими колодцами, и почти всегда сопровождавшиеся неукрепленным внешним посадом. Такие укрепления строи-

лись со второй половины IX века, а пик их популярности пришелся на первую половину X века. Они встречаются по всей территории Полабии в различном количестве»] (Biermann 2018: 345). Добавим к этому, что «Some also provide evidence of ritual functions. An excellent example of this is the ten metre plus deep well in Raddusch in Lower Lusatia» [«Некоторые из них также свидетельствуют о наличии ритуальных функций. Прекрасным примером является колодец глубиной более десяти метров в Раддюше в Нижней Лужице»] (Biermann 2018: 346).

Подобные колодцы, как известно, составляют и характерный признак кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар (Рабинович 2006: 184).

В другой своей работе Ф. Бирман также особо подчеркивает, что «типичным для этого типа укреплений является их расположение на болоте, на полуострове или острове в озере» (Biermann 2015: 39).

В целом, ареал распространения малых «низинных» кольцевых городищ очерчивается сегодня следующим образом: «... in wide areas of the Western Slavic territory: From Eastern Holstein, Western Mecklenburg and the Hannoverian Wendland in the West up to the Western Ukraine, Belorussia and North-Western Russia in the East, from the Baltic coast and the Baltic territories in the North to Greater Poland, Lower Silesia, Lower and Upper Lusatia, the western parts of Brandenburg and the Altmark in the South» [«... на значительной части западнославянского ареала: от Восточного Гольштейна, Западного Мекленбурга и ганноверской Вендландии на западе — до Западной Украины, Белоруссии и Северо-Западной России на востоке, от Балтийского побережья и прибалтийских территорий на севере — до Великой Польши, Нижней Силезии, Нижней и Верхней Лужицы, западных частей Бранденбурга и Альтмарка на юге»] (Biermann 2015: 39). Правда, следует уточнить, что в этом своем выводе Ф. Бирман в некоторой степени учитывал не только «низинные» кольцевые городища, но и вообще малые (60–80 метров в диаметре) кольцевые. Корректировка потребует, очевидно, некоторого сужения очерченного ареала. Однако для целей данной работы этот вопрос не принципиален, а потому внимания ему мы уделять и не будем.

В целом же, полагаю, эта картина весьма наглядно свидетельствует в пользу именно западнославянских корней и традиции кольцевых городищ Екимауцы-Алчедар.

Вместе с тем, Ф. Бирман подчеркивает: «This fortification type is only known from the North of the Western Slavic area, but not from the Southern Slavic territories (South Poland, Czechia and neighbouring areas), although the natural conditions, humid lowlands, exist also there» (Biermann 2015: 41). То есть: «Этот тип укреплений известен только на севере западнославянского региона, но не в его южной части (Южная Польша, Чехия и соседние районы), хотя там также существуют соответствующие природные условия — влажные низменности».

Как показывает цитированная выше работа А. Хейны, Ф. Бирман, справедливо указывая на культурную обусловленность выбора типа именно «низменных» кольцевых городищ теми или иными группами западных славян в качестве предпочтительного варианта фортификации, все же ошибается относительно полного отсутствия «низменных» кольцевых городищ в южной части западнославянского ареала. По крайней мере в Чехии (в Чешском Полабье) они представлены. Имеются они и на территории Моравской котловины в Нижней Австрии, как было отмечено выше.

Свидетельства о существовании круглых раннесредневековых городищ, хоть и немногочисленные, имеются и для Балкан — в Черногории (Градац, Самобор и др.), в Болгарии (Горановцы) (Рабинович 2006: 186). Но, насколько могу судить, речь идет отнюдь не о «низинных» кольцевых городищах. А в случае с Горановцы (Русанова, Тимощук 2007: 186) — даже не о городище.

Однако, что касается собственно территории Моравии, то таких указаний у нас нет. Более того, цитированное выше мнение Ф. Бирмана склоняет к предположению, что малые «низменные» кольцевые городища на территории Моравии действительно отсутствуют.

Прояснение этого вопроса требует такого доступа к чешской и словацкой литературе по проблеме, которым я, к сожалению, в настоящий момент не обладаю. Тем не менее, мне кажется более правильным оставить этот вопрос скорее открытым.

Пока же отмечу некоторые моменты, которые склоняют к тому, что малые кольцевые «низменные» городища были, в той или иной степени, присущи и для территории собственно Моравии. А истоки традиции кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар — будут обнаружены действительно в Великой Моравии.

И прежде всего отметим сходство (точнее — практически тождество) строитель-

ной техники городищ Великой Моравии — со строительной техникой городищ типа Екимауцы-Алчедар. Так, для городища Поганско близ Бржецлава приводятся следующие данные: «... shell rampart with a stone facing wall, earth fill and internal wooden walls» [«Крепостной вал с облицовочной каменной стеной, земляной насыпью и внутренними деревянными стенами»] (Macháček 2007: 475). Впрочем, аналогичной строительной техникой характеризуются и другие городища Великой Моравии — как то же Микульчице, Старе Место и др. Как замечают исследователи, это «typical 'Přemyslid' (as well as Great Moravian) construction: a wood and earth rampart with a stone frontal wall built without mortar» [«типичная «пржемысловская» (а также великоморавская) технология строительства укреплений: деревянно-земляной вал с каменной передней стеной, построенный без раствора»] (Kouřil, Procházka 2018: 70).

Впрочем, как было указано выше, само по себе сходство (и даже близкое к тождеству) техники фортификаций еще не является безусловным доказательством.

Однако также очень характерно, что многие городища Великой Моравии располагались именно в пойме рек, на очень низких местах. Так, «The early medieaval centre at Břeclav-Pohansko lies ... in an area of floodplain forests above the confluence of the Morava and Dyje Rivers ...» [«Раннесредневековый центр Бржецлав-Поганско расположен ... в районе пойменных лесов выше слияния рек Морава и Дыи»] (Macháček 2007: 475). Причем городище располагалась настолько низко, что его юго-восточная часть находилась под угрозой затопления во время паводков (Macháček 2007: 482).

Также в пойме Моравы, и очень низко, располагалось и городище Микульчице. Во время паводков оно превращалось фактически в остров. Впрочем, исследователи в принципе рассматривают его как «крепость на острове»: «Mikulčice used to be an island castle in the middle of the Morava River flood plane. The fortified core of the area of 10 ha consisted of the acropolis and the bailey» [«Микульчице был островным замком посреди поймы реки Морава. Укрепленное ядро территории площадью 10 га состояло из акрополя и посада»] (Poláček 2007: 513).

Правда, во всех вышеупомянутых случаях речь идет о весьма крупных городищах (протяженность валов в Поганско-Бржецлав составляет около 2 км), и форма их может быть признана «округлой» лишь с серьезными натяжками. Поэтому в качестве прямых аналогий кольцевым городищам Екимауцы-Алчедар они рассматриваться не могут.

Вместе с тем, можно упомянуть и Моравичаны/Moravičany — «a lowland Great-Moravian fortification», расположенное у слияния Моравы и ее притока Тржебувки (Kouřil, Procházka 2018: 64). По доступной мне информации, оно имело овальную форму, и диаметр 80–90 метров. И, что любопытно, какое-то время (видимо, непродолжительное) это городище сосуществовало с расположенным неподалеку, на высоком холме, городищем Ставенице/Stavenice. Последнее напоминает как раз ситуацию Пруто-Днестровского междуречья (Рабинович 2006: 189).

Также, отметим городище Опава-Килешовице/Opava-Kylešovice в Чешской Силезии (в IX веке входила в состав государства Великой Моравии). Оно было основано «... in the floodplain of the River Opava, it had a ring ground plan and a continuous fortification around it; this, together with the construction of the massive rampart (a grate construction with hook binding) indicated the direction from which the builders came: Greater Poland ...» [«Расположенное в пойме реки Опава, оно имело кольцевую планировку и сплошное укрепление вокруг себя; это, вместе с возведением массивного вала (решетчатой конструкции с крюковым креплением), указывает на направление, откуда пришли строители: Великая Польша ...»] (Kouřil, Procházka 2018: 69). Но его датировка (после середины X века), как и очевидная связь с протекторатом Пястов над этим регионом, уже не позволяют привлекать его в качестве интересующей нас аналогии. То есть как пример собственно великоморавского «низинного» кольцевого городища.

К тому же, в плане это городище представляет собой на самом деле «irregularly oval in design (approx. 130 × 90 m)» (Kouřil, Gryc 2018: 185). То есть это все же не кольцевое городище, и его план, скорее, объясняется рельефом местности.

Впрочем, возможно, дальнейший поиск позволит и уточнить ситуацию с Моравичанами, и увеличить список подобных, или еще более близких к типу малых кольцевых «низменных», городищ Великой Моравии.

Полагаю, стоит также обратить внимание на еще один вид археологических памятников Великой Моравии, который, по всей видимости, так или иначе может быть сопоставлен как раз с малыми кольцевыми городищами. Речь идет о т. н. *ostia circulare* (Svoboda 1957; Kubát 1999).

Мне, к сожалению, остались недоступны работы Й. Кубата и Й. Свободы, но, судя по информации поисковой системы Яндекса, речь идет о сооружениях незначительного размера, круглых в плане, и, видимо, так или иначе связанных как с функцией убежища, так и с сакральной функцией. Последнее позволяет сопоставить их с характерным для славян (прежде всего — западных славян) типом малых (диаметром от 7 до 30 метров) кольцевых городищ-святилищ (Русанова, Тимощук 2007: 44–51).

Также, на мой взгляд, в контексте вопроса следует учитывать тот факт, что доминирующим типом церковной архитектуры Великой Моравии (уже после принятия христианства) стали храмы-ротонды. Например, ротонда в том же Бржезлав-Поганско (Macháček et al. 2014: 143, obr. 67, 144, obr. 68). И, как свидетельствует сам термин, ротонды — это круглые в плане (с апсидами) церкви.

Как отмечал О.М. Иоаннисян по поводу церковной архитектуры Великой Моравии, «первые же построенные в ее столице — Микульчице — храмы были ротондами. По всей видимости, выбор этого типа храма для столицы был неслучаен» (Иоаннисян 1994: 102). Однако, в отличие от О.М. Иоаннисяна, мне кажется, что причины такой любви Великой Моравии к ротондам лежат глубже — и, возможно, напрямую связаны именно с языческой традицией *ostia circulare*. Рискну предположить, что распространение типа церкви-ротонды в Великой Моравии стало органическим развитием как раз традиции *ostia circulare*.

Любопытно также, что ротонда в Бржезлав-Поганско имела деревянную несущую конструкцию, хотя снаружи выглядела как полностью каменная (Macháček et al. 2014: 145). То есть перед нами та же самая строительная техника облицовки камнем деревянного каркаса, что и в крепостных сооружениях Великой Моравии.

Подводя некоторые итоги: следует ли все же, с учетом вышеизложенных фактов, что и истоки самой традиции кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар тоже необходимо искать в древностях Великой Моравии? Оставляя пока этот вопрос открытым, считаю такой вариант наиболее вероятным.

И, во всяком случае, единственный альтернативный вариант ответа на этот вопрос заключается, полагаю, в следующем: памятники типа Екимауцы-Алчедар были созданы группой западных славян, двигавшейся с территорий, соседствовавших с Великой Моравией, и находившихся полностью в орбите ее культурного и политического влияния. Была ли это территория Нижней Австрии (Моравская котловина), или же Чехии (Полабье) и Верхней Силезии, или же, может быть, даже Паннонии (и Потисья) — вопрос, требующий дальнейших исследований.

Продолжая же анализ гипотезы И. Тентюка, обратимся к еще одному важнейшему компоненту любой археологической культуры — погребальному обряду. Хотя И. Тентюк почему-то отнес рассмотрение этого компонента ближе к концу своей работы, но правильнее было бы как раз с него начать.

Итак, свой экскурс о погребальном обряде населения памятников типа Екимауцы-Алчедар И. Тентюк завершает показательным выводом: «анализ раннесредневекового погребального обряда в Восточно-Карпатском пространстве позволяет предположить, что памятники, расположенные между Днестром и Реутом и на севере Буковины, находят наиболее близкие сходства в могильниках Скандинавии» (Тентюк 2020: 218).

Парадокс ситуации заключается, однако, опять-таки в том, что никакого анализа погребального обряда на предшествующих страницах (Тентюк 2020: 215–218), где речь идет о могильниках — попросту тоже нет. Перед нами снова голословное утверждение — и, опять-таки, противоречащее реальному положению дел. Поскольку ни о каком характерном сходстве погребений Алчедарского могильника, например, и скандинавского погребального обряда — говорить не приходится. Как и других могильников Пруто-Днестровского междуречья этого периода, впрочем.

Отдельно стоит отметить, что в этом разделе И. Тентюк смешал вместе как погребения собственно населения типа Екимауцы-Алчедар — так и населения, оставившего могильник Брэнешть. То есть, попросту проигнорировал, и немотивированно, без какой-либо аргументации, убедительный вывод Р.А. Рабиновича о том, что эти могильники оставлены различным в этнокультурном плане и по происхождению населением (Рабинович 2005).

Проигнорировал он и очевидно известную ему работу других исследователей (Зверев, Ткачук 2012), даже не включив ее в список литературы.

Вынужден здесь крайне отрицательно оценить такую практику — к сожалению, весьма популярную в последние десятилетия в молдавской археологии. Уже писал об этом (Романчук 2025), и хочу повторить, что такой

«метод» противоречит базовым принципам науки и научного исследования — исследователь не может, не имеет права игнорировать неудобных ему оппонентов. Тем более — использовать какие-то их выводы, даже не упоминая авторов.

И ответственность за соблюдение этого фундаментального требования ложится, очевидно, не только на самих исследователей — но и на научных редакторов и рецензентов тех изданий, в которых они публикуются. Во всяком случае, в базовой форме для слепого рецензирования по умолчанию представлен параметр «насколько полно автор учитывает литературу по теме».

Возвращаясь к погребальному обряду — в целом, аналогии Алчедарскому могильнику в таких характерных (хоть, как очевидно, и распространенных весьма широко) чертах, как трупосожжения на стороне, с последующим погребением в урнах или простых ямах, под курганами, вполне обнаруживаются опять-таки в Великой Моравии.

Как отмечает К. Хладикова, «In Central Europe, data from the 6th–8th-century early medieval cremation cemeteries remain insufficient to build a robust chronology of rite development, yet a two-phase model is plausible. The older phase (ca. 6th–7th century) is characterized by urn cemeteries or pit urn graves without mound. The younger phase is associated with the widespread mound use. … Despite limited evidence and no consensus on dating and causes behind the origins of mound burials, this phenomenon is common in Central and Eastern Europe by the 8th century CE» [«В Центральной Европе данных по раннесредневековым могильникам с кремацией VI–VIII веков недостаточно для построения надежной хронологии развития обрядов. Однако двухфазная модель представляется вполне правдоподобной. Более ранняя фаза (примерно VI–VII века) характеризуется бескурганными могильниками с погребениями в урнах, или погребениями в урнах, помещаемых в ямы. Более поздняя фаза связана с широким распространением курганов. … Несмотря на ограниченность свидетельств и отсутствие консенсуса относительно датировки и причин происхождения курганных захоронений, это явление стало распространенным в Центральной и Восточной Европе к VIII веку н. э.»] (Hladíková et al. 2026: 827).

Вместе с тем, наиболее специфическая особенность погребального обряда Алчедарского могильника, на мой взгляд — это специально насыпанные глиняные площадки (толщиной до 40 см) под курганами, в центре (Рабинович 2005: 124). Именно они должны рассматриваться как ключевой ориентир в поисках происхождения погребального обряда Алчедарского могильника.

Между тем, обнаружить аналогии этой традиции в раннесредневековых курганах Моравии мне не удалось. Возможно, тому причиной опять-таки ограниченность доступа к соответствующей литературе, и таковые будут найдены. Во всяком случае, поисковые системы при запросе «глинобитные площадки под раннесредневековыми курганами Моравии» дают ответ, что хоть и редко, но такая традиция в Великой Моравии проявлялась. И все же, попытки выйти на конкретные публикации окончились неудачей.

В этой связи стоит упомянуть факт, отмечаемый и И. Тентюком — Г. Б. Федоров видел аналогии погребальному обряду могильника Алчедар в могильнике Сомешень (Трансильвания, недалеко от Клужа). Сам И. Тентюк к этим аналогиям присоединяет также могильник Нушфалэу, в жудеце Салаж (соседствует с жудецем Клуж). В Нушфалэу характерной деталью обряда, по его словам, были деревянные культовые площадки под курганами, на уровне древней дневной поверхности (Тентюк 2020: 216, прим. 22). Оба могильника, указывает И. Тентюк, атрибутируются западнославянским группам.

Деревянные культовые площадки под курганами — безусловно, весьма любопытная аналогия традиции Алчедарских курганов. И хронологически, в принципе, близкая: «Некрополи с трупосожжениями из района современного Клужа-Напоки, как курганные (Сомешень, Апахида) ... являются весьма показательным маркером наличия подобной ситуации в VIII в. и в начале следующего столетия» (Станчу 2015: 204).

Но, увы, как показывает обращение к источникам, погребальный обряд группы Сомешень-Нушфалэу все же отличается, и очень сильно, от Алчедарских курганов. Речь идет либо о погребениях в деревянных ящиках (срубах), в которые помещались урны (иногда эти ящики также перекрывались каменной плитой), либо же о погребениях на деревянном настиле над неглубокой (около 30–50 см) ямой (Комша 1978: 96–97; Stanciu 1999: 247–248; Cosma 2002: 63–66; Станчу 2015: 198). Показательно также, что М. Комша, наоборот, связывала происхождение памятников типа Сомешень-Нушфалэу с восточными группами славян (с Левобережья Днепра, где обнаруживаются аналогии погребальному обряду). Эта точка зрения существует в истори-

ографии и сегодня (Косма 2020: 271). И аргументация в ее пользу, заметим, выглядит вполне убедительно (Cosma 2002: 69–70).

Однако также крайне любопытно, что в Нушфалэу фиксируется и традиция окружать подкурганные деревянные сооружения «специально принесенной желтой или серой глиной, смешанной с дресвой» (Комша 1978: 96); толщина ее слоя повышалась к краям, так что получалось подобие вала, окружающего деревянную конструкцию. Добавка дресвы фактически превращает эту глину в гончарную, заметим.

Еще любопытнее присутствие на памятниках Нушфалэу-Сомешень «гончарной керамики, украшенной линейно-волнистым орнаментом так называемого дунайского типа» (Комша 1978: 99). Судя по характеристикам этой керамики, а также керамики некоторых других памятников Трансильвании (Cosma 2002: 99–111; 2011: 62–66, 103), речь в ряде случаев идет о технологии, формах и декоре (особенно), вполне сопоставимых с таковыми великоморавской керамики. Особо отметим примесь слюды в тесте некоторых сосудов, изготовленных на быстром и медленном гончарном круге (Cosma 2002: 109; 2011: 62, 102).

Тем не менее, при всех примечательных особенностях — в целом погребения Нушфалэу-Сомешень, еще раз подчеркнем, все же демонстрируют радикально отличающуюся модель погребального обряда.

Между тем, прямую аналогию традиции «глиняных площадок под курганами» населения, оставившего Алчедарский могильник, составляют погребения, связываемые с полянами Поднепровья. Согласно В. В. Седову, «... деталью, свойственной исключительно полянским погребальным насыпям, является глиняная подмазка, на которой разжигали костер и помещали остатки трупосожжения. Курганы с глиняными площадками для трупосожжений исследованы в Киеве, Любече ... » (Седов 1982: 108). Причем, как он сам отмечает, такая деталь погребального обряда характеризует лишь достаточно ограниченную территорию на Правобережье Днепра (от Поросья до Ирпени), и встречается достаточно редко. Такое пространственное распределение этой традиции весьма любопытно и, потенциально, может оказаться весьма информативным.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что и само появление этой традиции в «полянском» ареале — тоже нуждается в объяснении (Седов 1982: 107).

Возможно, что «полянскую» параллель традиции глиняных площадок в основании курганов для могильника Алчедар следует действительно учитывать. И сопоставить с летописными известиями об изначальном пребывании уличей (их части?) на Днепре. Подробный анализ проблемы локализации уличей, и возможные пути ее разрешения, были представлены ранее Р. А. Рабиновичем (Рабинович 2003; 2005а; 2007).

В любом случае, эта деталь погребального обряда, по всей видимости, тоже намекает на то, что генезис населения памятников Екимауцы-Алчедар все же был сложнее, и в нем участвовали не только западнославянские группы с территории Великой Моравии.

Однако основной вещевой материал, происходящий из погребений Алчедарского могильника — это та же гончарная керамика типа Блучина (порядка 6 тысяч фрагментов) (Рабинович 2005: 124). Прочие находки составляют всего 38 единиц, и в них представлены либо вещи, уводящие нас опять-таки на Средний Дунай, либо имеющие салтово-маяцкие параллели. Никаких скандинавских следов в них тоже нет. Попытка И. Тентюка увидеть «скандинавскость» в стеклянных бусинах из Джурджулешть (Тентюк 2020: 218) на основании того, что «их аналоги можно встретить на поселениях в устье Вислы и в Старой Ладоге» — ничего, кроме недоумения, не вызывает[3]. С таким же успехом можно приписать скандинавам и арабские дирхемы с территории Пруто-Днестровского междуречья — что, впрочем, чуть выше И. Тентюк и делает (Тентюк 2020: 214). Ниже мы на этом еще остановимся.

Поэтому представляется наиболее вероятным, что и происхождение погребального обряда Алчедарского могильника следует связывать если не с самой Великой Моравией, то, опять-таки, с территориями, находившими-

[3] Погребение из Джурджулешть, помимо прочего, отношения к памятникам типа Екимауцы-Алчедар не имеет. Круг же аналогий инвентарю из Джурджулешть указывает, по собственному признанию И. Тентюка, прежде всего на Центральную и Восточную Европу (а не на Северную — вопреки его утверждению): «... особенно в составе кладов серебряных изделий из Даруфальвы (Австрия), Машенице, Весолки, Дзежницы (Польша), Денисовки, Копиевки (Украина), Гнездово и Белогостицы (близ Ростова Великого) или в погребениях могильника Удрай (Новгородская обл.)» (Тентюк 2020: 218). Да и датировка комплексов, демонстрирующих аналогии погребению из Джурджулешть, «серединой X — началом XI веков» (Tentiuc, Postică 2025: 48) — если, разумеется, она соответствует современным представлениям науки — не позволяет его хоть как-то учитывать в вопросе формирования памятников типа Екимауцы-Алчедар.

ся в орбите ее культурного (и политического, очевидно) влияния.

Полагаю, на этом можно поставить и точку. По совокупности анализа ключевых элементов археологической культуры памятников типа Екимауцы-Алчедар (в первую очередь: керамика, ювелирные украшения и сами кольцевые городища), мы со всей неизбежностью приходим к выводу о справедливости гипотезы Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой о том, что происхождение культуры Екимауцы-Алчедар связано с миграцией в IX веке некоей западнославянской группы с территории Великой Моравии (или соседних с ней — но в любом случае безусловно входящих в орбиту ее культурного и политического влияния).

Рассматривать столь же детально прочие «аргументы» И. Тентюка (домостроительство, «клады», железоделательное производство) в пользу предложенной им «гипотезы» (увы, на гипотезу это, на мой взгляд, и близко не тянет) рамки данной статьи попросту не позволяют. Фактически каждый из них требует отдельного исследования — особенно, что касается домостроительства и железоделательного производства. И необходимость в таких исследованиях, очевидно, давно назрела, и даже «перезрела».

Впрочем, поскольку и в этих разделах И. Тентюк никакого анализа и собственно аргументации тоже не представил, то и смысла в их сколь-нибудь подробном рассмотрении здесь попросту нет.

Тем не менее, еще некоторые замечания здесь я считаю все же необходимым высказать. И прежде всего — что касается т.н. «длинных домов», которые были обнаружены на некоторых из памятников типа Екимауцы-Алчедар (собственно, прежде всего в Екимауцах).

В своей статье И. Тентюк пытается рассматривать такие находки именно как «еще одно» свидетельство присутствия скандинавов. Однако, как, собственно, и во всех других разделах своей статьи — он не представляет в пользу такого утверждения ни малейшего доказательства. Он попросту исходит из аксиоматичного предположения «длинные дома равно скандинавы».

Между тем, это очевидно не так.

Вообще, «длинные дома» — настолько общее понятие, что под него подпадает весьма значительное количество вариантов конструкции жилищ на территории от Рейна до Урала (и это много раз отмечалось исследователями), никак со скандинавами не связанных. Но даже если говорить о территории Центральной и Восточной Европы, то связывать со скандинавами те или иные постройки, которые могут быть отнесены к категории «длинный дом», можно лишь после тщательного сравнительного анализа.

Показателен здесь пример т. н. «длинных домов» Старой Ладоги — которые долгое время устойчиво атрибутировались в литературе именно скандинавам. Однако, как показал недавно именно тщательный анализ, на самом деле ближайшие на сегодняшний день аналогии ладожским постройкам обнаруживаются как раз у западных славян, на Юго-Западе Балтики, и прежде всего в Волине, Мекленбурге и Вроцлаве (Мусин, Станиславски 2022: 370–371).

Авторы цитированного исследования, замечу — «правоверные норманнисты» (еще раз напомню: ничего негативного я в термин «норманнисты» не вкладываю).

Если же говорить о «длинных домах» применительно к памятникам типа Екимауцы-Алчедар, то, во-первых, они очевидно отличаются от характерных для скандинавов деревоземляных конструкций. Для того, чтобы это увидеть, даже нет нужды прибегать к некоему специальному анализу. Во-вторых же, ближайшие аналогии «длинным домам», представленным на памятниках типа Екимауцы-Алчедар, и проявленные в аналогичных контекстах, обнаруживаются тоже как раз в Великой Моравии. Например, на городище Угерске Градиште-Сады — где мы видим «Long wooden hall-type building with annex» [«Длинное деревянное здание зального типа с пристройкой»] (Galuška, Mitáček, Fišáková 2018: 102, fig. 3).

И хотя, как уже отметил выше, этот вопрос тоже требует отдельного и специального исследования (что пока так и не сделано — и в рамках данной работы и не может быть сделано), но, полагаю, без труда можно обнаружить в древностях Великой Моравии аналогии и другим типам жилищ, характерных для населения памятников типа Екимауцы-Алчедар. И особенно таким их характерным элементам, как подмазанные глиной полы жилищ (Рабинович, Рябцева 2016: 327). В сочетании же с другими, изложенными выше фактами, это делает попросту излишними любые попытки искать таковые аналогии где-либо еще. И уж тем более — у скандинавов.

В этой связи считаю также необходимым высказать еще пару слов, в контексте анализа идеи И. Тентюка, вообще о присутствии (якобы), и даже доминировании скандинавов в Пруто-Днестровском регионе в IX-X веках.

Увы для этой идеи И. Тентюка, но давний вывод Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой — «и только на территории Молдовы этот скандинавский компонент отсутствует, более того, в регионе вообще не найдено ни малейших элементов скандинавской культуры» (Рабинович, Рябцева 2009: 300) — насколько могу видеть, и сегодня полностью сохраняет свою силу. По крайней мере, для периода IX — первой половины X веков.

Попытки же И. Тентюка связать со скандинавами те или иные находки Карпато-Поднестровья этого времени в целом тоже, на мой взгляд, критики не выдерживают.

Особенно очевидно это в отношении т.н «гнездовских подвесок». И. Тентюк атрибутирует находку такой подвески из Алчедарского клада как скандинавскую (Тентюк 2020: 214). Однако, на самом деле, эта подвеска указывает на связи с районом Гнездова — а отнюдь не на Скандинавию. Как отмечали С. С. Рябцева и Н. П. Тельнов, «до сих пор было известно 17 находок таких подвесок на территории Восточной Европы (причем все они встречены на территории России). Наибольшее количество таких подвесок происходит из Смоленской области. ... Появление такой подвески на городище Алчедар может свидетельствовать о связях данного региона с Верхним Поднепровьем (с Гнездовом, где аккумулировалась, а, также вероятно, и изготовлялась значительная часть таких украшений). На подобную связь указывает и весь остальной состав Алчедарского клада. Причем можно говорить о двух дополняющих друг друга процессах — продвижении из регионов Поднестровья, Побужья и Волыни в Поднепровье, вплоть до Гнездова предметов, декорированных зернью, и обратном движении литых подвесок «гнездовского типа» (Рябцева, Тельнов 2010: 292).

И вывод этот представляется совершенно правомерным. Тем более, что великоморавское влияние улавливается и в керамике Гнездова (Каменецкая 2019: 73, 77, 86).

Добавим, что датировка подвесок «гнездовского» типа — «с середины X по начало XI вв.» (Рябцева, Тельнов 2010: 292) — также исключает и саму возможность их «причастности» к собственно формированию памятников типа Екимауцы-Алчедар.

Второй половиной X века датируется, по оценке самих И. Тентюка и Г. И. Постикэ (Tentiuc, Postică 2025: 50), и бутероль меча из Мырзоае (Ниспоренский район Республики Молдова). Впрочем, вопрос в том, насколько эта находка (и в принципе находки такого рода — элементы престижной, и уже к тому моменту достаточно «интернационализированной» в пределах бассейна Балтийского моря, культуры) — действительно связана с деятельностью собственно скандинавов. Тем более, что находки такого типа тоже представлены и в Гнездове.

Далее, совершенно неприемлемы попытки И. Тентюка увидеть «скандинавский след» в проникновении арабского серебра в регион: «По нашему мнению, торговые пути к востоку от Карпат, проходившие по Днестру, Пруту и Сирету (о чем свидетельствует топография обнаруженных кладов), в IX—XI вв. контролировались в основном скандинавами, викингами» (Тентюк 2020: 214). Вообще, здесь имеет место удивительная аберрация сознания — скандинавов в Карпато-Поднестровье И. Тентюку найти так и не удалось, но появление арабского (!) серебра он связывает именно со скандинавами.

Такая аберрация, впрочем, вообще достаточно характерна для многих норманнистов в связи с формированием и функционированием трансконтинентальнх торговых путей Восточной Европы раннего средневековья — и ранее я попытался показать ее принципиальную алогичность (Романчук 2024а: 93–95).

Применительно к арабскому серебру в Карпато-Днестровском регионе IX-X веков, на сегодняшний день наиболее глубокий анализ проблемы, и наиболее взвешенные выводы — принадлежат, на мой взгляд, Р. А. Рабиновичу. Среди выводов его исследования особого внимания заслуживает то, что находки волынских серег типа «С» (по С. С. Рябцевой), помимо памятников типа Екимауцы-Алчедар (где они представлены наиболее массово в Восточной Европе — и, согласно убедительному выводу С. С. Рябцевой, здесь находился один из центров их производства) — особо концентрируются также в низовьях Вислы, в кладах т. н. «рубленого серебра» (Рабинович 1999: 273). Там же фиксируется и одна из зон концентрации арабских куфических монет в Центральной Европе — что приводит Р. А. Рабиновича к выводу о возникновении в этот период особо интенсивных торговых связей между Карпато-Поднестровьем (точнее — именно населением культуры Екимауцы-Алчедар) и регионом Вислы. В которых и задействовались как серьги «екимауцко-алчедарского» производства, так и арабское серебро.

Очевидно, что именно эти торговые контакты населения культуры Екимауцы-Алчедар с регионом Вислы, наряду (или даже, ско-

рее — в первую очередь) с деятельностью арабских купцов, разумеется — и были движущей силой проникновения арабского серебра в Карпато-Поднестровье в IX — первой половине X вв. И связывать этот процесс с участием скандинавов нет никаких оснований.

Останавливаясь на этом в отношении «скандинавского присутствия» (тем более — «доминирования») в Карпато-Днестровском регионе, не могу не коснуться еще двух принципиальных вопросов. Первый касается попытки И. Тентюка отказать в достоверности гипотезе Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой о значительной роли ранних венгров в IX—начале X вв. в Карпато-Днестровских землях (см. Рабинович 2018; Рабинович, Рябцева 2018).

Увы, но прежде всего представляется совершенно неприемлемым, когда подобные опровержения делаются буквально в одном предложении: «Изложенная гипотеза не имеет документального подтверждения и не соответствует реалиям региона» (Тентюк 2020: 207). И не сопровождается хоть какой-либо, хоть минимальной аргументацией. Между тем, Р. А. Рабинович и С. С. Рябцева проблему раннего венгерского присутствия и контроля венграми Карпато-Днестровских земель в IX — начале X вв. исследовали почти тридцать лет, и представили свою аргументацию в целом ряде работ. И любая попытка опровержения их точки зрения может озвучиваться, на мой взгляд, лишь после столь же тщательного и подробного анализа этой аргументации.

Тем более, что в последние годы, и независимо от работ Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой, большой коллектив молдавских (прежде всего — из Тирасполя), венгерских и украинских археологов, обращаясь в том числе к материалам раскопок прошлых лет, сумел обнаружить уже существенное количество и кочевнических погребений в Карпато-Днестровском регионе, демонстрирующих те или иные элементы археологической культуры, связываемой с ранними венграми (Фокеев, Квитницкий и др. 2019; Квитницкий, Тельнов и др. 2020; Квитницкий, Тюрк и др. 2020; Квитницкий и др. 2021; 2022; Тельнов и др. 2024a; 2024b). И количество таких погребений продолжает нарастать.

Отдельно стоит отметить весьма фундаментальную работу С. В. Черы, который исследовал полную коллекцию наконечников стрел с памятников типа Екимауцы-Алчедар из фондов Национального музея Молдовы. И не могу здесь также не отметить, что и работу С. В. Черы И. Тентюк полностью проигнорировал. Что тоже представляется мне крайне серьезным упущением с его стороны.

По результатам своего исследования, С. В. Чера пришел к выводу: «Более 61% наконечников в выборке могут быть связаны со славянскими и древнерусскими древностями, более 43% — с финно-угорскими древностями, в том числе 10% с характерными венгерскими древностями» (Чера 2013: 199). Соответственно, полагает он, «Значительное влияние финно-угорской составляющей в облике коллекции наконечников стрел, наряду с присутствием в этой коллекции культурно-диагностирующих типов, позволяет подтвердить высказанную в историографии гипотезу о венгерском присутствии в Прутo-Днестровском междуречье и, в частности, на памятниках типа Алчедар-Екимауцы» (Чера 2013: 201).

Мне, в свете всех имеющихся фактов, «венгерская» гипотеза Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой также представляется верной.

Напротив, вызывает удивление позиция И. Тентюка также и в том, что основным контрагентом его мифических «скандинавов» в Карпато-Днестровском регионе IX — X веков выступают не славяне (как следует из анализа археологического материала) — а «восточные романцы». Что, собственно, он вынес и в заглавие статьи.

Удивляет здесь и «аннигиляция славян», характерная для дремучего «румынского континуитета» прошлых лет. Кстати, в румынской историографии этот барьер уже успешно преодолен. И румынские исследователи свободно и уверенно говорят о славянской атрибуции не только тех же могильников Нушфалэу-Сомешень, но и группы Медиаш (Țiplic, Tomegea 2016: 14) — занимавшей в IX—X веках, как никак, весьма значительную часть Трансильвании (Станчу 2015: 204, рис. 25).

Но еще больше удивляет тезис о присутствии восточных романцев в Карпато-Днестровских землях в IX — X веках. Насколько могу судить, по археологическим данным подтвердить этот тезис так, до сих пор, никому и не удалось. Молдавские исследователи, оперирующие этим тезисом, попросту маркируют как «восточнороманские» те археологические древности, которые надежно атрибутируются совсем иным этнокультурным группам — прежде всего славянским.

Со своей стороны, могу добавить, что по языковым данным начало контактов румынского и «русинского» (прото-украинского, носителей юго-западных диалектов древне-

русского) населения можно отнести ко времени не ранее середины XII века (Raevschi 1998: 22; Раевски 1988). Этот факт был продемонстрирован молдавским лингвистом Н. С. Раевским в своей докторской диссертации (ее рецензентом был Г. Михаилэ — крупнейший, пожалуй, румынский специалист конца XX и начала XXI веков в области ранних славяно-восточнороманских языковых взаимодействий). Из него, а также ряда других фактов, очевидно следует, что до указанного времени Карпато-Днестровские земли еще не входили в ареал расселения восточных романцев (подробнее: Романчук 2024: 233–245).

Останавливаясь на этом и возвращаясь собственно к памятникам типа Екимауцы-Алчедар, попробуем определиться еще с одним, и очень важным вопросом — какому, собственно, из числа известных по письменным источникам,славянских «племен» принадлежала эта культура?

Ранее Р. А. Рабинович весьма обстоятельно попытался доказать, что памятники типа Екимауцы-Алчедар следует связывать с летописными тиверцами (Рабинович 2011). Мне эта аргументация представлялась (и представляется) заслуживающей самого серьезного внимания, и ранее я придерживался аналогичной точки зрения.

Здесь, кстати, вынужден не согласиться с А. С. Щавелевым, который считает, что «Догадка Р.А. Рабиновича о том, что тиверцы както связаны со славянской общностью тервуниотов на Балканах, не базируется ни на одном доказательстве или хоть каком-то косвенном аргументе, а только на общих рассуждениях, что такое в принципе возможно» (Щавелев 2019: 178). Это очевидно не так.

Кроме того, разумеется, не вызывает сомнений, что «название области Τερβουνία и название ее жителей Τερβουνιῶτοι (ср. совр. Требинье) имеет вполне достоверную славянскую этимологию от слав. трѣбити — «корчевать», «расчищать», «чистить» ...» (Щавелев 2019: 178). Однако, хоть и сугубо формально, но тому, чтобы категорически отвергать возможность выведения этнонима *тиверцы* из *тервуняне* — препятствует факт фиксации в русских летописях этнонима *тиверцы* в форме «тирвоцы, тирвицы» (Рабинович 2011: 93). Если предположить (хотя бы чисто гипотетически), что именно эта форма является исходной для древнерусской традиции, то она вполне может быть выведена из той же, которая стала исходной для *тервуняне*.

Мне, правда, такая вероятность представляется весьма сомнительной. Однако не могу также не заметить и то, что утверждение «Этникон тиверцы ... этимологически — тюркский» (Щавелев 2019: 179) — правильнее было бы, полагаю, предварить вводной формулой «по мнению ряда лингвистов». Поскольку иначе получается, что А. С. Щавелев выдает здесь одно из существующих в науке предположений (подчеркну — предположений), хоть и весьма вероятное — за безусловный факт. Что, очевидно, тоже не так.

Впрочем, и принятие тюркской версии происхождения этнонима *тиверцы*, замечу, само по себе не разрушает гипотезу Р. А. Рабиновича. Поскольку, в своей статье он как раз попытался аргументировать «и смешанное или даже изначально тюркское происхождение и тервунян» (Рабинович 2011: 98). То есть — попытался доказать, что и в тюркской версии формирование этнонима (и народа) *тиверцы* следует связывать с Западными Балканами (Далмацией).

В лингвистической части эта аргументация вызывает возражения, но ее исторический аспект любопытен.

Тем не менее, результаты проделанного в этой работе анализа склоняют меня изменить позицию в данном вопросе. Как мне кажется, наиболее убедительным вариантом в свете изложенного в статье — будет атрибутировать памятники типа Екимауцы-Алчедар другому славянскому племени, *уличам*.

Какие аргументы могут быть приведены в пользу именно такой интерпретации?

В силу необходимости быть кратким изложу здесь свои соображения тезисно.

Прежде всего, ранее сам Р. А. Рабинович (развивая наблюдения более ранней историографии) весьма убедительно связал происхождение этнонима *уличи* с западнославянским племенем *лютичи* (Рабинович 1997: 178–180; 2003; 2005а). Как он замечает, «предполагаемое родство русских уличей и балтийских вильцев неизбежно предполагает их общую предысторию и единую «прародину», покинув которую, они разошлись в разных направлениях, подобно другим племенам ПВЛ» (Рабинович 2003: 283).

Обобщая всю совокупность данных письменных источников, Р. А. Рабинович склоняется к тому, чтобы локализовать эту прародину в пределах державы гуннов (Рабинович 2003: 295–297) — в Северном Причерноморье (Нижнем Поднепровье) или, изначально, даже восточнее. Вместе с гуннами уличи (часть их) перемещаются в Среднее Подунавье, где их достоверно фиксируют византийские источники под именем *ультинзуров* (Рабинович 2003: 287–290). Существенно, что уличи, по Р. А. Рабиновичу — изначально не-

славянский народ, который славянизировался в процессе своей этнической истории.

Далее, согласно Р. А. Рабиновичу, в процессе своей истории уличи разделились на несколько групп, и «третья группа уличей, по-видимому, остававшаяся еще с гуннского времени на Среднем Дунае, в VI-VII вв. находилась под властью Аварского каганата, лишь на короткое время оказавшись в составе государства Само» (Рабинович 2003: 282).

Мне вышеизложенные выводы Р. А. Рабиновича в целом представляются вполне убедительными. С единственным уточнением — этимология этнонима *лютичи/уличи/вильцы* должна объясняться именно на славянской почве. А само их расселение в Нижнем Поднепровье (не думаю, что восточнее) — результат ранних славянских миграций (вероятно, в пост-зарубинецкое время).

Если теперь, отталкиваясь от этих выводов и наблюдений Р. А. Рабиновича, обратиться к собственно прибалтийским лютичам, то нельзя не увидеть, что их область расселения — междуречье Эльбы и Одера — это и есть как раз часть ареала максимальной популярности малых круглых «низинных» городищ в западнославянском и вообще славянском мире (Biermann 2015: 39). Мы, соответственно, получаем корреляцию *лютичей/уличей* — и малых кольцевых «низинных» городищ[4].

При этом, как указывает Ф. Бирман, в зону особой популярности малых «низинных» кольцевых городищ входила и Нижняя Силезия (Biermann 2015: 39) — регион, как известно, попавший в начала X века в состав державы Пржемысловичей. И, видимо, находившийся ранее в зоне влияния Великой Моравии (а до того — государства Само).

Данная «география» позволяет предположить тот путь, каким и сами *уличи/лютичи* (в виде обратной волны миграции, или в рамках контактов с теми их группами, которые остались в Среднем Подунавье с гуннского времени), и идея малых кольцевых «низинных» городищ — проникают и на собственно территорию Великой Моравии. Откуда, далее, уличи и переселяются в Карпато-Поднестровье.

То же, что у тех групп уличей, которые еще раньше (и много раньше) поселились в Поднепровье, не проявилась традиция малых кольцевых «низинных» городищ — вполне объяснимо с учетом того факта, что сама эта традиция развивается у западных славян (включая лютичей) не ранее, видимо, начала IX века (Biermann 2015: 44).

Исходя из вышеизложенного, мне представляется наиболее непротиворечивым вариантом связывать и кольцевые городища типа Екимауцы-Алчедар именно с уличами.

Тиверцев же, если исходить из наибольшей вероятности (точнее — популярности) тюркской этимологии этого этнонима, тогда будет более удачным связывать с населением прутоднестровского варианта Балкано-Дунайской культуры. В генезисе которого участие, и даже значительная роль кочевнического, в том числе и тюркского, компонента общепризнана в литературе.

Собственно, как кажется, такая идентификация тиверцев и лучше соотносится с известными сообщениями письменных источников (русских летописей). По которым тиверцы живут по Днестру, а их земли прилегают к Дунаю и Черному морю. Однако, замечу, что если углубиться в вопрос, то оказывается, что и у тюркской этимологии все далеко не так гладко, как представляют ее сторонники (и, особенно, А. С. Щавелев). Будь-то в версии И. Г. Добродомова — Г. А. Хабургаева: «тиверцы — форма этнонима тюрки». Или же — в версии А. И. Соболевского — Р. Якобсона — К. Менгеса: «тиверцы — от тюркского слова со значением переводчики, что представляет собой точное значение упомянутого летописью славянского эпитета тиверцев, толковины».

На мой взгляд, точнее будет даже сказать, что пока, увы, в науке не существует ни одной действительно приемлемой и убедительной версии тюркской (как, впрочем, и какой-либо иной) этимологии этнонима тиверцы.

Так, сам К. Менгес завершил цепочку сделанных им допущений очень честным выводом (который, к сожалению, был полностью проигнорирован тем же А. С. Щавелевым): «Таким образом, tiv- (или tīv-) могло бы значить 'действие говорения', а *tiv-är соответственно *tiv-ärі 'человек говорения; тот, кто го-

[4] Вместе с тем, нельзя не отметить, что если говорить о собственно городищах «типа Торнов-Кленица», то зона их распространения — это «Нижняя Лужица, Нижняя Силезия и Западная Великопольша» (Biermann 2015: 39). И связываются они, прежде всего, с лужичанами.

Факт этот примечателен в том числе и потому, что как раз в Нижней Силезии фиксируется лужицкое племя «требовяне» — двойник (и возможный родственник) балканских требовян-тервунян (Рабинович 2011: 97).

Однако значимость данного факта размывается тем, что, как было отмечено выше, связь этимологии этнонима *тиверцы* с этнонимом *тервуняне* выглядит весьма сомнительной.

ворит; тот, чьим занятием, обязанностью и т. д. является говорение'. Это, конечно, чистая реконструкция, производное *tiv-är, *tiv-äri неизвестно [выделено мной. — А. Р.] …» (Менгес 1979: 149). И. Г. Добродомов дополнил этот вывод своим критическим замечанием: «Эта этимология остроумна, но признать ее убедительной трудно, ибо конструкции типа *tiv-är, т. е. 'человек говорения, разговора', для тюркских языков нехарактерны: следовало бы ожидать tivči … неубедительность своей этимологии хорошо понимал сам К. Менгес» (Добродомов 2020: 63).

В свою очередь, К. Менгес, исходя из ряда фонетических соображений, версию И. Г. Добродомова — Г. А. Хабургаева оценил даже намного критичнее (Менгес 1979: 150). Причем как в отношении этнонима тиверцы, так и предлагаемой И. Г. Добродомовым тюркской этимологии термина толковины.

Насколько возражения К. Менгеса верны — судить, в конечном итоге, тюркологам. Хотя мне они, замечу, представляются весьма убедительными. И, со своей стороны, не могу не добавить, что гипотеза И. Г. Добродомова — Г. А. Хабургаева, во-первых, построена на еще большем количестве допущений, нежели гипотеза К. Менгеса. Во-вторых же, даже в повторной, современной, публикации своей статьи 1970 года (Добродомов 2020: 63—66), И. Г. Добродомов никак не ответил на критику К. Менгеса. И это, думаю, показательно.

Далее, А. С. Щавелев ссылается на мнения еще двоих сторонников тюркской этимологии этнонима тиверцы — А. В. Дыбо и Б. Струминского (приверженцев гипотез И. Г. Добродомова — Г. А. Хабургаева (А. В. Дыбо) и А. И. Соболевского — К. Менгеса (Б. Струминский), соответственно). По его словам, «… этимологию попыталась уточнить А. В. Дыбо, которая считает праформой этникона тиверцы «незафиксированный булгарский рефлекс этнонима “тюрк”», который «мог иметь в булгарском форму tivərk» …» (Щавелев 2019: 179). И, здесь же: «Б. Струминский считает этот этноним непосредственной передачей тюркского слова tevirči — «переводчики». Следовательно, летописная ремарка является переводом тюрко-славянского этникона на славянский язык».

Увы, но вынужден оценить эти попытки еще более скептически.

Что касается А. В. Дыбо, то, при всем к ней уважении, речь идет лишь о кратчайшей (в одно предложение), и сделанной буквально на бегу (в личном «устном сообщении»), ремарке. Ремарке, которая никак не учитывает даже хотя бы полемику К. Менгеса и И. Г. Добродомова. Относиться к этому сколь-нибудь серьезно, и, тем более, использовать в качестве аргумента — на мой взгляд, попросту нельзя.

Ситуация с Б. Струминским еще занимательнее. Поскольку Б. Струминский (никак не тюрколог, замечу), похоже, попросту выдумал (скорее всего — недопоняв аргументацию К. Менгеса) свое «тюркское слово tevirči». Во всяком случае, никто из тюркологов — участников полемики, такого слова не только не знает, но и все прямо утверждают, что любые попытки обосновать тюркскую «переводческую» этимологию этнонима тиверцы представляют собой «чистую реконструкцию» (К. Менгес) — и даже весьма сомнительную (И. Г. Добродомов). Существуй «тюркское слово tevirči» в реальности — очевидно, что ни К. Менгесу не пришлось бы заниматься «чистой реконструкцией», ни вся эта полемика вообще бы не возникла.

Таким образом, обобщая сказанное по поводу тюркской этимологии этнонима тиверцы — вынужден еще раз подчеркнуть, что на сегодняшний день в науке не существует ни одной действительно приемлемой и убедительной версии таковой.

Вместе с тем, все иные (за одним исключением — о котором ниже) предлагаемые в историографии версии — очевидно выглядят еще слабее. Поэтому, возможно, что искомая этимология действительно может быть обнаружена (или аргументирована) именно при обращении к тюркскому материалу.

Однако, как кажется, для этого нам придется изменить базовый принцип, из которого ранее исходили сторонники тюркских вариантов этимологии. Именно, исследователи в попытке найти тюркскую этимологию этнонима тиверцы сконцентрировались фактически лишь на двух возможных версиях — отталкивающейся от эпитета толковины (что, в целом, оправданно — поскольку дает хоть какой-то ориентир, и возможность именно аргументации этимологии — а не произвольного подбора фонетически подходящего варианта), или же этнонима тюрки (что тоже методологически разумно). Но, при всей, еще раз повторю, разумности и методологической грамотности такого подхода, нельзя не заметить, что за почти два столетия его применения — мы так и топчемся на том же месте. Выйти на действительно убедительную тюркскую этимологию этнонима тиверцы — так и не удалось.

Следовательно, здесь возможны лишь два варианта — либо в принципе отказаться от идеи тюркской этимологии. Либо же, и считая, по историко-археологическим соображениям, именно тюркскую версию соответствующей реальности — расширить круг тех тюркских корней, которые могли бы послужить исходными для искомой этимологии.

В этой связи стоит обратить внимание, что в чувашском (то есть, потенциально — восходящем к булгарскому) антропонимиконе дохристианской эпохи представлены такие имена (неясной этимологии), как «ТЕВЕРПИ [т’эв’эрб’и] ж. [Ашмарин т. 13, с. 265]. ТЕВЕРТИН [т’эв’эр’д’и н’] м. [Николаев Типв. 2010, с. 25]. ТЕВЕРШИН [т’эв’эр’ж’и н’] м. [Николаев Типв. 2010, с. 36]. ТЕВЕРУК [т’эв’эру к] ж. [Ашмарин т. 13, с. 265]. ТЕВЕРЧЕН [т’эв’эрӵэ н’] ж. [Ашмарин т. 13, с. 265]. ТЕВЕРЮХ [т’эв’эр’у х] м. [Николапев Типв. 2010, с. 38]» (Иванова, Фомин 2020: 393). А также «*ТЁВЕРИК [т’ьв’эр’и к’] м. в рус. орфогр. Тверик, Тюверик [Николаев Вурман. 2010, с. 34, 37]. *ТЁВЕРЛЕЙ [т’ьв’эрл’э j] м. в рус. орфогр. Тверлей [Николаев Вурман. 2010, с. 34]» (Иванова, Фомин 2020: 395).

Разумеется, к этим чувашским данным следует подходить с большой осторожностью, и в том числе и потому, что этимология их неясна. В частности, как показывает зафиксированное в русской нумизматике (Брокгауз, Ефрон 1899: 860) имя «Михаила Теверчи» (Михаил Тверской), эти антропонимы (или часть их) могут быть и производными от названия Твери. Топоним Тверь же, что очевидно, никак не может быть связан с именем тиверцев. Тому препятствует, помимо прочего, и твердо установленный на сегодня факт — первоначальная форма названия Твери звучала как Тъхвърь, далее — Тферь (Богданов 2007).

Но, с другой стороны, возможно, что объяснение хотя бы некоторым из указанных чувашских имен может быть найдено и на тюркской почве. И, также не исключено, что среди этих тюркских параллелей окажутся и такие, которые по крайней мере фонетически, семантически и с точки зрения словообразования — будут пригодны и для объяснения происхождения этнонима тиверцы.

Насколько такой вариант поиска этимологии этнонима тиверцы приемлем — судить тюркологам, в первую очередь. Однако, еще раз подчеркну, что даже если обнаруженная таким образом тюркская параллель будет фонетически, семантически и т. д. безупречна — выбор ее будет с нашей стороны абсолютно произвольным, не подкрепленным какими-либо аргументами. По крайней мере — пока.

Стоит ли двигаться по этому пути — большой вопрос.

Поэтому, возможно, все же имеет смысл выйти за рамки тюркских гипотез. И, со своей стороны, замечу, что если не пытаться искать происхождение этнонима тиверцы на тюркской почве, то иной единственно приемлемый (и даже, на самом деле, более приемлемый, нежели тюркский), на мой взгляд, вариант — это предложенная М. Фасмером версия происхождения этнонима тиверцы от гипотетического иранского названия реки *Тивръ, Tīvrā, со значением 'быстрая, резкая' (Фасмер 1987: 55). Гипотетического — но, заметим, при четко зафиксированном топониме Тивров в Южном Побужье (засвидетельствован в XIV веке), предположительно производном как раз от названия реки *Тивръ.

Исходя из того, что аналогичная семантика устанавливается для античного названия Днестра, Тирас, а также общего контекста (речь должна идти о достаточно крупной, заметной реке с быстрым течением) — по всей видимости, эта искомая река *Тивръ может быть только Днестром. Между тем, «… все летописные варианты размещения тиверцев, так или иначе, указывают на Днестр» (Рабинович 2011: 91).

Подчеркнем, что именно наличие реального и четко зафиксированного топонима отличает «иранскую» версию М. Фасмера от всех прочих. Фонетически она тоже, насколько могу судить, вполне приемлема. Наконец, как многими отмечалось, при таком варианте этимологии этноним тиверцы имеет и четкую «этнонимическую» (возможно — действительно этнонимическую) параллель в древнерусской летописной традиции — упоминаемые (и упоминаемые в той же ПВЛ, наряду с тиверцами) дунаици. Параллель, заметим, и территориально смежную.

Что же касается проблемы историко-археологического хиатуса между иранским населением Нижнего Поднестровья и появлением славян в регионе (Рабинович 2011: 91), то само славянское название Днестр, фиксируемое уже в древнерусской традиции и, по общепринятому в науке мнению, имеющее иранскую этимологию — наглядно свидетельствует о ранних контактах славян и иранцев в Поднестровье. Тем более проблема хиатуса исчезает, если иметь в виду Побужье (где и располагается Тивров — в 25 км южнее Винницы).

Поэтому, именно гипотеза М. Фасмера представляется мне наиболее предпочтительной на сегодняшний день.

Однако, как видим, топоним Тивров в Южном Побужье — лежит далеко за пределами ареала пруто-днестровского варианта Балкано-Дунайской культуры. Более того, Р. А. Рабинович ранее отмечал, что в целом «приведенные Н. П. Барсовым «тиверские» топонимы охватывают северную часть Нижнего Поднестровья и Среднее Поднестровье до среднего течения Южного Буга» (Рабинович 2011: 91). То есть — хорошо укладываются в ареал «кольцевых городищ» типа Екимауцы-Алчедар.

Обращение к самой работе Н. П. Барсова показывает, правда, что прочие топонимы из составленного им списка (Барсов 1885: 96, 274, прим. 159), как Тирава, Тернава, Тарнава и подобные — никакого отношения к этнониму тиверцы не имеют. Но собственно Тивров (который и послужил отправной точкой М. Фасмеру в его гипотезе) — сомнений не вызывает. Соответственно, хотя иранская этимология этнонима тиверцы плохо согласуется с идеей о сравнительно позднем появлении тиверцев в Поднестровье (и, соответственно — их связи с культурой Екимауцы-Алчедар), но и подобный ареал «тиверских топонимов» — также очевидно не позволяет связывать с тиверцами пруто-днестровский вариант Балкано-Дунайской культуры.

Впрочем, думаю, дальнейшее обсуждение этого вопроса позволит прийти к более определенным выводам. Я же ставлю на этом окончательную точку, и надеюсь прежде всего, что вышеизложенное вполне наглядно продемонстрировало справедливость и верность гипотезы Р. А. Рабиновича и С. С. Рябцевой о формировании памятников типа Екимауцы-Алчедар в результате миграции группы западных славян с территории Великой Моравии (или земель, находящихся в безусловной орбите ее культурного и политического влияния).

Литература

Барсов Н. П. 1885. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Изд. 2. Варшава: Типография К. Ковалевского.

Богданов С. В. 2007. Названия «Тверь» и «Тверца» в письменных источниках. Вестник Тверского гос. Ун-та (серия «История»). Вып. 4, 65—86.

Брокгаузъ Ф. А., Ефронъ И. А. 1899. Энциклопедический словарь. Том XXVIII (Россия и С— Саварна). Санктъ-Петербургъ: Брокгаузъ-Ефронъ.

Гильфердинг А. Ф. 1855. *История балтийских славян* 1. Москва: Типография В. Готье.

Добродомов И.Г. 2020. *Историко-этимологические разыскания*. Москва: МПГУ.

ЕСУМ 5: *Етимологічний словник української мови*. 2006. Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. 5. Київ: Наукова думка.

Зверев Е.Ю., Ткачук К.Т. 2012. К вопросу о периодизации могильников Кэпрерия, Лимбарь и Бранешть в Пруто-Днестровском междуречье. *Stratum plus* (5), 125–148.

Иванова А. М., Фомин Э. В. 2020. *Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи*. Чебоксары: Чуваш. ун-тет.

Иоаннисян О.М. 1994. Храмы-ротонды в Древней Руси. В: Баталов А. Л., Лидов А. М. (сост.). *Иерусалим в русской культуре*. Москва: Наука, 100–147.

Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Синика В. С. 2019. Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (5), 317–332.

Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Синика В. С., Лысенко С. Д., Тюрк А. 2020. Погребение из Влэдичень с украшением венгерского облика. В: Рабинович Р. А. (отв. ред.). *На одно крыло — серебряная, На другое — золотая… Сборник научных статей, посвященный памяти Светланы Рябцевой*. Chişinău: Stratum Plus, 415–426.

Квитницкий М. В., Тюрк А., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Синика В. С. 2020. Два венгерских погребения IX века в Дунай-Днестровских степях. *Stratum plus* (5), 329–339.

Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Синика В. С., Тюрк А. 2021. Ранневенгерское погребение у с. Фрумушика в Среднем Поднестровье. *Stratum plus* (5), 345–369. DOI: 10.55086/sp215345369

Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Тюрк А. 2022. Древневенгерское погребение у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. *Stratum plus* (5), 303–318.

Каменецкая Е.В. 2019. *Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья*. Москва; Смоленск: КДУ.

Комша М. 1978. Восточные элементы в погребальном обряде курганных могильников у с. Нушфалэу и Сомешени (Северо-Западная Румыния). В: Николаева Т. В. (ред.). *Древняя Русь и славяне*. Москва: Наука, 96–100.

Косма К. 2020. Присутствие авар в Трансильвании. Хронология, мотивы, территориальные рамки. *Stratum plus* (5), 261–276.

Менгес К.Х. 1979. *Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*. Ленинград: Наука.

Мусин А. Е., Станиславски Б. М. 2022. Ладога и Волин как узловые центры трансбалтийских контактов между польскими землями и Северо-Западом Восточной Европы в X в. *Stratum plus* 5, 361–382.

Рабинович Р. А. 1997. *Карпато-Днестровские земли во второй половине IX — первой половине XIII вв. (историко-археологическое исследование).* Автореф. дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Рабинович Р. А. 1999. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. *Stratum plus* (6), 263–275.

Рабинович Р. А. 2003. От ултинзуров к уличам, или Предыстория одного летописного племени. *Stratum plus* 2001–2002 (5), 282–299.

Рабинович Р. А. 2005. О культурном и хронологическом соотношении Алчедарского и Брэнештского могильников. *Revista Arheologică*. Serie nouă. Vol. 1. № 1, 120–132.

Рабинович Р. А. 2005а. Уличи и тиверцы в оценках исто-

риографии. *Stratum plus* 2003–2004, 5, 440–484.

Рабинович Р. А. 2006. О происхождении и функциональном назначении средневековых круглых городищ в Пруто-Днестровском междуречье. *Revista Arheologică*. Serie nouă. Vol. II. № 1–2, 181–197.

Рабинович Р. А. 2007. Проблема локализации летописных уличей по данным письменных источников различных традиций. *Revista de etnologie şi culturologie* II, 46–51.

Рабинович Р. А. 2011. «Поганые толковины». О происхождении тиверцев. *Stratum plus* (5), 89–106.

Рабинович Р. А. 2018. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V — середине XI вв. В: Рабинович Р. А., Синика В. С. (ред.). *Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н. П. Тельнова*. Кишинэу: Stratum plus, 465–482.

Рабинович Р. А. 2018a. О возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в IX—X вв. В: *Археология евразийских степей 6. Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума*. Казань — Болгар, 15–19 октября 2018 г., 181–188.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 1997. Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X—XI вв. В: Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. (отв. ред.). *«Stratum» + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев, 236–245.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2009. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье. В: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции*. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург: ГЭ, 292–308.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2016. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе. В: Chudzińska B., Wojenka M., Wołoszyn M. (red.). *Od Bachyrza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źrydłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachyrz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary*. Krakyw; Rzeszyw: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323–341.

Рабинович Р. А., Рябцева С. С. 2016a. О ландшафтной приуроченности и функциональном назначении средневековых городищ Пруто-Днестровского междуречья. В: Матвеева Н. П. *Экология древних и традиционных обществ: материалы 5 Международной научной конференции (Тюмень, 7–11 ноября 2016 г.)*. Вып. 5, ч. 1. Тюмень: ТюмГУ, 217–220.

Равдина Т.В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: Бырня П. П. (отв. ред.). *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 54–71.

Раевски Н. С. 1988. *Контактеле романичилор рэсэритень ку славий. Пе база де дате лингвистиче*. Кишинэу: Штиинца.

Раппопорт П. А. 1967. *Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв*. МИА 140. Ленинград: Наука.

Романчук А. А. 2024. *Булаештские украинцы в контексте славяно-восточнороманских взаимодействий Карпато-Днестровского региона*. Кишинэу: Stratum plus.

Романчук А. А. 2024a. «Слепые пятна» норманнистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность* 1, 82–99.

Романчук А. А. 2024b. Ответ О. Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии. *История и современность* 4, 94–132. DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

Романчук А. А. 2025. Радиоуглеродные датировки из Сахарна Маре — Дялул Мэнэстирий и реутоднестровская гипотеза возникновения культуры Сахарна-Солончень. *Stratum plus* 3, 257–262. DOI: 10.55086/sp253257262

Русанова И. П., Тимощук Б. А. 2007. *Языческие святилища древних славян*. Москва: ИА РАН.

Рябцева С.С. 2006. Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. *Revista Arheologică*. Serie nouă. Volumul II., № 1−2, 143–168.

Рябцева С. С. 2009. Подунайские элементы в ювелирном уборе населения Восточной Европы VII—XI. *Stratum plus* 5, 257–380.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2007. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX—X вв. *Revista Arheologică*. Serie nouă III (1–2), 195–230.

Рябцева С. С., Рабинович Р. А. 2014. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX—X вв. В: Макаров Н. А., Леонтьев А. Е. (отв. ред.). *Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура*. Москва; Вологда: Древности Севера, 259–275.

Рябцева С.С., Тельнов Н.П. 2010. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX — начала XI вв. *Stratum plus* (5), 285–300.

Седов В. В. 2002. *Восточные славяне в VI–XIII вв*. Москва: Наука.

Станчу И. 2015. Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна. *Stratum plus* (5), 163–216.

Тельнов Н. П., Разумов С. Н., Тащи Е. Ф., Лысенко С. Д., Урсу Т. Д., Синика В. С. 2024a. Три венгерских погребения с боевыми ножами в Среднем Поднестровье. *Tyragetia*. S.n. Vol. XVIII (XXXIII), nr. 1, 297–309.

Тельнов Н. П., Тюрк А., Разумов С. Н., Синика В. С. 2024b. «Старые» и новые венгерские погребения на левобережье Днестра. *Уфимский археологический вестник*. Т. 24. № 1, 161–180.

Тентюк И. 2020. Викинги и их взаимоотношения с восточными романцами Карпато-Днестровских земель в IX—XI веках. *Stratum plus* (5), 205–230.

Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. Москва: Прогресс.

Фокеев М. М., Квитницкий М. В., Тельнов Н. П., Лысенко С. Д., Разумов С. Н., Синика В. С. 2019. Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. *Stratum plus* (5), 333–342.

Чера С. В. 2013. К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екимауцы. *Stratum plus* (5), 197–202.

Щавелев А. С. 2019. «Белые пятна» имажинарной этногеографии «Повести временных лет»: Методологические и полемические заметки о локализации общностей дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов. В: Коновалова И. Г. (отв. ред.). *Историческая география*. Том 4. Москва: Аквилон, 167–198.

Biermann F. 2015. The small Early Medieval lowland ringforts in Northern Masovia and their counterparts in the northern West-Slavic territory. *Archaeologica Hereditas* 4, 39–49.

Biermann F. 2018. Early Medieval Ringforts and the Social Elite of the Polabian Slavs in the Tenth and First Half of the Eleventh Century. In: P. Kouřil, R. Procházka et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 343–351.

Cosma C. 2002. Vestul şi nord-vestul României în secolele VIII—X d. H. *In Ethnic and cultural interferences in the 1st millenium B. C. to the 1st millenium A. D*. Cluj-Napoca.

Cosma C. 2011. *Funerary pottery in Transylvania of the 7th—10th centurie. In Ethnic and cultural interferences in the 1st millenium B. C. to the 1st millenium A. D*. Cluj-Napoca.

Denninghaus Fr.-N. 2019. *Arrangement of space inside Цlandic ringforts A comparative study of the spatial division within the ringforts Eketorp, Sandby, and Ismantorp*. ARKM21, Archaeology and Ancient History: Master Thesis in Archaeology. Lund University.

Galuška L., Mitáček J., Fišáková M. 2018. Uherské Hradiště — Sady: from a Great Moravian Sacral Centre to the Largest Church Necropolis of the Ducal Period in Moravia. In: P. Kouřil, R. Procházka et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 99–113.

Hejna A. 1957. Přispěvek k otázce původu a vývoje kruhového blatného hrádku v Čechach. *Památky archeologické* XLVIII, 218–237.

Hladíková K. et al. 2026. Navigating the Flames: Comparative Analysis of Cremation Practices in the Roman and Early Medieval Periods at Gbely-Kojatín (SK) and Přítluky (CZ). *Archaeometry* 2026.68:818–830 DOI: 10.1111/arcm.70101

Jankowski H. 2020. The names of professions in historical Turkic languages of the Crimea. In: Zimonyi I. (ed.). *Ottomans – Crimea – Jochids. Studies in Honour of Mária Ivanics*. Szeged: University of Szeged, 165—180.

Kouřil P., Gryc J. 2018. Early Medieval Stronghold in Opava-Kylešovice and Its Importance for the Understanding of the Silesian Region in the Tenth–Eleventh Centuries. In: P. Kouřil, R. Procházka et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 185–213.

Kubát J. 1999. *Ostia circulare. The roundhouses of Great Moravia*. Brno: Masarykova university.

Kühtreiber K. 2019. The pottery from the early medieval settlement at Pellendorf/Gaweinstal (Lower Austria) and its relationship to the Great Moravian sites on the River March. *Archeologické rozhledy* LXXI, 435–474.

Macháček J. 2001. *Studie k velkomoravské keramice. Metody, analýzy a syntézy, modely*. Brno: Masarykova university.

Macháček J. 2007. Early medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundeburg: munitio, emporium or palatium of the rulers of Moravia? In: Henning J. (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Volume 1. The Heirs of the Roman West. Berlin—New York: Walter de Gruyter, 473–498.

Macháček J. et al. 2014. Velkomoravská rotunda z Pohanska u Břeclavi. *Památky Archeologické* CV, 87–153.

Poláček L. 2007. Ninth-century Mikulčice: the "market of the Moravians"? The archaeological evidence of trade in Great Moravia. In: Henning J. (ed.). *The Heirs of the Roman West*. Ney-York-Berlin: De Gruyter, 499–524.

Procházka R. 2018. Moravian Centres between the Mojmirids and Přemyslids. In: P. Kouřil, R. Procházka et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 41–72.

Rabinovici R. A. 2002. Vîrfurile de sageată din fier în Moldova medievală timpurie şi contextul lor cultural-istoric. *Arheologia Moldovei* XXII, 233–240.

Raevschi N. 1998. *Contacte româno-slave (pe baza de date lingvistice)*. Autoref. … doctor hab. in filologie. Chisinau: USM.

Romanchuk A. A. 2023. Social Evolution in the Mirror of a Journal: To the Twentieth Anniversary of the "Social Evolution & History". *Social Evolution & History* 22(1): 179–196. DOI: 10.30884/seh/2023.01.06.

Staňa Č. 1994. Die Entwicklung der Keramik vom 8. bis zur Mitte des 11. Jahrhunderts in Mittelmähren. In: Staňa Č. (ed.). *Slawische Keramik in Mitteleuropa vom 8. bis zum 11. Jahrhundert. Internationale Tagungen in Mikulčice* I, Brno: Archeologický ústav AV ČR, 265–296.

Stanciu I. 1999. Die slawische Hügel-Brandgräber vom Typs Nuşfalău-Someşeni (nord-westlichen Gebiet Rumäniens). *Acta Musei Napocensis* 36 (I), 245–263.

Svoboda J. 1957. *Velká Morava a počátky Česka*. Praha: Československá archivnice.

Tentiuc I., Postică G. 2025. Elite politice şi centre locale de putere la Est de Carpați în secolele IX-XI. *Tyragetia*, s.n., vol. XIX [XXXIV], nr. 1, 43–54.

Țiplic I., Tomegea G. 2016. *Păuca — necropola de incinerație (secolele VIII-IX). Catalog de expoziție*. Sibiu: Astra Museum.

Vlkolinská I. 2007. Some aspects of the ceramics in the graves on the cemetery Nitra-Lupka. In: Cosma C. (ed.). *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD: Cultural artefacts and local identities. Interferențe etnice şi culturale în mileniile I a. Chr. — I p. Chr 10*. Cluj-Napoca: Mega, 207–227.

References

Barsov, N.P. 1885. Ocherki istoricheskoi geografii. Geografiia nachal'noi (Nestorovoi) letopisi (*Essays on Historical Geography. The Geography of the Primary (Nestor) Chronicle*). Izd. 2. Varshava: Tipografiia K. Kovalevskogo (in Russian).

Bogdanov, S.V. 2007. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia (*Herald of Tver State University*. Series: *History*). Vyp. 4, 65—86 (in Russian).

Brokhauz, F.A., Efron, I.A. 1899. *Entsiklopedicheskii slovar'* (*Encyclopedic Dictionary*). T. XXVIII (*Rossiia i S—Savarna*). Sankt-Peterburg: Brokgauz-Efron (in Russian).

Gil'ferding, A. F. 1855. *Istoriia baltiiskikh slavian (History of the Baltic Slavs)* 1. Moscow: Typography of V. Gauthier (in Russian).

Dobrodomov, I.G. 2020. Istoriko-etimologicheskie razyskaniia (Historical and Etymological Investigations). Moskva: MPGU (in Russian).

Etimologichnyi slovnyk ukrainskoi movy (*Etymological Dictionary of the Ukrainian Language*). Ed. O.S. Melnychuk. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka (in Russian).

Zverev, E. Yu., Tkachuk, K. T. 2012. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 125–148 (in Russian).

Ivanova, A.M., Fomin, E.V. 2020. *Slovar' chuvashskikh antroponimov dokhristianskoi epokhi* (*Dictionary of Chuvash Anthroponyms of the Pre-Christian Era*). Cheboksary: Chuvashskii universitet (in Russian).

Ioannisian, O. M. 1994. In Batalov, A. L., Lidov, A. M. (comp.). *Ierusalim v russkoi kul'ture (Jerusalem in Russian Cul-*

ture). Moscow: “Nauka” Publ., 100–147 (in Russian).
Kvitnitskii, M. V., Tel’nov, N. P., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 317–332 (in Russian).
Kvitnitskii, M. V., Tel’nov, N. P., Sinika, V. S., Lysenko, S. D., Türk, A. 2020. In Rabinovich, R. A., Telnov, N. P. (eds.). *«Na odno krylo — serebrianaia, na drugoe — zolotaia…» Sbornik statei pamiati Svetlany Riabtsevoi (“One her wing is silver, The other one is made of gold…”: Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva)*. Series: Stratum Library. Chişinău: Stratum Plus, 415–426 (in Russian).
Kvitnitskii, M. V., Türk, A., Tel’nov, N. P., Lysenko, S. D., Sinika, V. S. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 329–339 (in Russian).
Kvitnitskii, M. V., Tel’nov, N. P., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Sinika, V. S., Türk, A. 2021. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 345–369. DOI: 10.55086/sp215345369 (in Russian).
Kvitnitskii, M. V., Tel’nov, N. P., Türk, A. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 303–318 (in Russian).
Kamenetskaia, E. V. 2019. *Keramika IX—XIII vv. kak istochnik po istorii Smolenskogo Podneprov’ia (Pottery of 9th—13th Centuries as a Source for the History of the Smolensk Part of the Dnieper Basin)*. Moscow; Smolensk: “KDU” Publ. (in Russian).
Comşa, M. 1978. In Nikolaeva, T. V. (ed.). *Drevniaia Rus’ i slaviane (Ancient Rus’ and Slavs)*. Moscow: “Nauka” Publ., 96–100 (in Russian).
Cosma, K. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 261–276 (in Russian).
Menges, K. H. 1979. *Vostochnye elementy v «Slove o polku Igoreve»* (*Eastern Elements in “The Tale of Igor’s Campaign”*). Leningrad: Nauka (in Russian).
Musin, A. E., Stanislavski, B. M. 2022. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 5, 361–382 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 1997. *Karpato-Dnestrovskie zemli vo vtoroi polovine IX — pervoi polovine XIII vv. (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) (The Territory between Carpathians and Dniester in Second Half of 9th — First Half of 13th Centuries: Historical and Archaeological Study)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
Rabinovich, R. A. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 263–275 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2003. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2001–2002 (5), 282–299 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2005. In *Revista Arheologică*. Serie nouă 1 (1), 120–132 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2005. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 2003–2004, 5, 440–484 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2006. In *Revista Arheologică*. Serie nouă. Vol. II. № 1–2, 181–197 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2007. In *Revista de etnologie şi culturologie* II, 46–51 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 89–106 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2018. In Rabinovich, R. A., Sinika, V. S. (eds.). *Drevnosti. Issledovaniia. Problemy. Sbornik statei v chest’ 70-letiia N. P. Tel’nova (Antiquities. Studies. Issues. Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday)*. Series: Stratum Library. Chişinău: Stratum plus, 465–482 (in Russian).
Rabinovich, R. A. 2018. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei 6. Materialy IV Mezhdunarodnogo Mad’iarskogo simpoziuma (Archaeology of the Eurasian Steppes 6. Proceedings of the 4th Magyar Symposium)*. Kazan; Bolgar, 181–188 (in Russian).
Rabinovich, R. A., Riabtseva, S. S. 1997. In Vakhtina, M. Yu., Vinogradov, Yu. A. (eds.). *Stratum+ Peterburgskii arkheologicheskii vestnik (Stratum+ Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev: “Business-Elita” Publ., 236–245 (in Russian).
Rabinovich, R. A., Riabtseva, S. S. 2009. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. Series: Proceedings of the State Hermitage Museum XLIX. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 292–308 (in Russian).
Rabinovich, R. A., Riabtseva, S. S. 2016. In Chudzińska, B., Wojenka, M., Wołoszyn, M. (red.). *Od Bachurza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego = From Bachurz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe — evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary*. Kraków; Rzeszów: Instytut Archeologii UJ; Instytut Archeologii UR, 323–341 (in Russian).
Rabinovich, R. A., Riabtseva, S. S. 2016. In Matveeva, N. P. *Ekologiia drevnikh i traditsionnykh obshchestv: materialy 5 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ecology of Ancient and Traditional Societies: Proceedings of the 5th International Scientific Conference)* 5 (1). Tyumen: Tyumen State University, 217–220 (in Russian).
Ravdina, T. V. 1988. In Bârnea, P. P. (ed.). *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech’ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluve)*. Kishinev: “Ştiinţa” Publ., 54–71 (in Russian).
Raevski, N. S. 1988. *Contactele Romanicilor răsăriteni cu slavii. Pe baza de date lingvistice*. Chişinău: “Ştiinţa” Publ. (in Moldovan).
Rappoport, P. A. 1967. *Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel’ X—XIV vv. (Military Architecture of the Western Russian Lands in 10th—14th Centuries)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 140. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
Romanchuk, A. A. 2024. *Bulaeshtskie ukraintsy v kontekste slaviano-vostochnoromanskikh vzaimodeistvii Karpato-Dnestrovskogo regiona (Bulaestian Ukrainians in the Context of Slavic-Romanian Interactions in the Carpathian-Dniester Region)*. Chişinău: Stratum plus (in Russian).
Romanchuk, A. A. 2024. In *Istoriia i sovremennost’ (History and Contemporaneity)* 1, 82–99 (in Russian).
Romanchuk, A. A. 2024. In *Istoriia i sovremennost’ (History and Contemporaneity)* 4, 94–132. DOI: 10.30884/iis/2024.04.06 (in Russian).
Romanchuk, A. A. 2025. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 3, 257–262. DOI: 10.55086/sp253257262 (in Russian).
Rusanova, I. P., Timoshchuk, B. A. 2007. *Iazycheskie sviatilishcha drevnikh slavian (Pagan Sanctuaries of Old Slavs)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
Riabtseva, S. S. 2006. In *Revista Arheologică*. Serie nouă II (1−2), 143–168 (in Russian).
Riabtseva, S. S. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 5, 257–380 (in Russian).
Riabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2007. In *Revista Arheologică*. Serie nouă III (1–2), 195–230 (in Russian).
Riabtseva, S. S., Rabinovich, R. A. 2014. In Makarov, N. A., Leont’ev, A. E. (eds.). *Rus’ v IX—XII vekakh: obshchestvo, gosudarstvo, kul’tura (Rus’ in 9th—12th Centuries: Society, State, Culture)*. Moscow; Vologda: “Drevnosti Severa” Publ., 259–275 (in Russian).
Riabtseva, S. S., Tel’nov, N. P. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 285–300 (in Russian).
Sedov, V. V. 2002. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv. (Eastern Slavs in 6th—13th Centuries)*. Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
Stanciu, I. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 163–216 (in Russian).
Tel’nov, N. P., Razumov, S. N., Tashchi, E. F., Lysenko, S. D., Ursu, T. D., Sinika, V. S. 2024. In *Tyragetia*. S.n. Vol. XVIII (XXXIII), nr. 1, 297–309 (in Russian).
Tel’nov, N. P., Türk, A., Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 24 (1), 161–180 (in Russian).
Tentiuc, I. 2020. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 205–230 (in Russian).
Vasmer, M. 1987. *Etimologicheskii slovar’ russkogo iazyka* (*Etymological Dictionary of the Russian Language*). Vol. 4. Moskva: Progress (in Russian).
Fokeev, M. M., Kvitnitskii, M. V., Tel’nov, N. P., Lysenko, S. D., Razumov, S. N., Sinika, V. S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 333–342 (in

Russian).

Chera, S. V. 2013. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 197–202 (in Russian).

Shchavelev, A. S. 2019. In Konovalova, I. G. (ed.). *Istoricheskaia geografiia (Historical Geography)*. Vol. 4. Moscow: "Akvilon" Publ., 167–198 (in Russian).

Biermann, F. 2015. The small Early Medieval lowland ringforts in Northern Masovia and their counterparts in the northern West-Slavic territory. *Archaeologica Hereditas* 4, 39–49.

Biermann, F. 2018. Early Medieval Ringforts and the Social Elite of the Polabian Slavs in the Tenth and First Half of the Eleventh Century. In Kouřil, P., Procházka, R., et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 343–351.

Cosma, C. 2002. Vestul şi nord-vestul României în secolele VIII—X d. H. *In Ethnic and cultural interferences in the 1st millenium B. C. to the 1st millenium A. D.* Cluj-Napoca.

Cosma, C. 2011. *Funerary pottery in Transylvania of the 7th—10th centurie. In Ethnic and cultural interferences in the 1st millenium B. C. to the 1st millenium A. D.* Cluj-Napoca.

Denninghaus, Fr.-N. 2019. *Arrangement of space inside Tslandic ringforts A comparative study of the spatial division within the ringforts Eketorp, Sandby, and Ismantorp*. ARKM21, Archaeology and Ancient History: Master Thesis in Archaeology. Lund University.

Galuľka, L., Mitáček, J., Fišáková, M. 2018. Uherské Hradiště — Sady: from a Great Moravian Sacral Centre to the Largest Church Necropolis of the Ducal Period in Moravia. In Kouřil, P., Procházka, R., et al., *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 99–113.

Hejna, A. 1957. Přispěvek k otázce původu a vývoje kruhového blatného hrádku v Čechach. *Památky archeologické* XLVIII, 218–237.

Hladíková, K., et al. 2026. Navigating the Flames: Comparative Analysis of Cremation Practices in the Roman and Early Medieval Periods at Gbely-Kojatín (SK) and Přítluky (CZ). *Archaeometry* 2026.68:818–830 DOI: 10.1111/arcm.70101.

Jankowski H. 2020. The names of professions in historical Turkic languages of the Crimea. In: Zimonyi I. (ed.). *Ottomans–Crimea – Jochids. Studies in Honour of Mária Ivanics*. Szeged: University of Szeged, 165—180.

Kouřil, P., Gryc, J. 2018. Early Medieval Stronghold in Opava-Kylešovice and Its Importance for the Understanding of the Silesian Region in the Tenth–Eleventh Centuries. In Kouřil, P., Procházka, R., et al. *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 185–213.

Kubát, J. 1999. *Ostia circulare. The roundhouses of Great Moravia*. Brno: Masarykova university.

Kühtreiber, K. 2019. The pottery from the early medieval settlement at Pellendorf/Gaweinstal (Lower Austria) and its relationship to the Great Moravian sites on the River March. *Archeologické rozhledy* LXXI, 435–474.

Macháček, J. 2001. *Studie k velkomoravské keramice. Metody, analýzy a syntézy, modely*. Brno: Masarykova university.

Macháček, J. 2007. Early medieval centre in Pohansko near Břeclav/Lundeburg: munitio, emporium or palatium of the rulers of Moravia? In: Henning, J. (ed.). *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium*. Volume 1. The Heirs of the Roman West. Berlin—New York: Walter de Gruyter, 473–498.

Macháček, J., et al. 2014. Velkomoravská rotunda z Pohanska u Břeclavi. *Památky Archeologické* CV, 87–153.

Poláček, L. 2007. Ninth-century Mikulčice: the "market of the Moravians"? The archaeological evidence of trade in Great Moravia. In Henning, J. (ed.). *The Heirs of the Roman West*. Ney-York-Berlin: De Gruyter, 499–524.

Procházka, R. 2018. Moravian Centres between the Mojmirids and Přemyslids. In Kouřil, P., Procházka, R., et al. *Moravian and Silesian Strongholds of the Tenth and Eleventh Centuries in the Context of Central Europe*. Brno: Institute of Archaeology, 41–72.

Rabinovici, R. A. 2002. Vîrfurile de sageată din fier în Moldova medievală timpurie şi contextul lor cultural-istoric. *Arheologia Moldovei* XXII, 233–240.

Raevschi, N. 1998. *Contacte româno-slave (pe baza de date lingvistice)*. Autoref. … doctor hab. in filologie. Chişinău: USM.

Romanchuk, A. A. 2023. Social Evolution in the Mirror of a Journal: To the Twentieth Anniversary of the "Social Evolution & History". *Social Evolution & History* 22(1): 179–196. DOI: 10.30884/seh/2023.01.06.

Staňa, Č. 1994. Die Entwicklung der Keramik vom 8. bis zur Mitte des 11. Jahrhunderts in Mittelmähren. In Staňa, Č. (ed.). *Slawische Keramik in Mitteleuropa vom 8. bis zum 11. Jahrhundert. Internationale Tagungen in Mikulčice* I, Brno: Archeologický ústav AV ČR, 265–296.

Stanciu, I. 1999. Die slawische Hügel-Brandgräber vom Typs Nuşfalău-Someşeni (nord-westlichen Gebiet Rumäniens). *Acta Musei Napocensis* 36 (I), 245–263.

Svoboda, J. 1957. *Velká Morava a počátky Česka*. Praha: Československá archivnice.

Tentiuc, I., Postică, G. 2025. Elite politice şi centre locale de putere la Est de Carpaţi în secolele IX-XI. *Tyragetia*, s.n., vol. XIX [XXXIV], nr. 1, 43–54.

Ţiplic, I., Tomegea, G. 2016. *Păuca — necropola de incineraţie (secolele VIII-IX). Catalog de expoziţie*. Sibiu: Astra Museum.

Vlkolinská, I. 2007. Some aspects of the ceramics in the graves on the cemetery Nitra-Lupka. In Cosma, C. (ed.). *Funerary offerings and votive depositions in Europe's 1st Millennium AD: Cultural artefacts and local identities. Interferenţe etnice şi culturale în mileniile I a. Chr. — I p. Chr 10*. Cluj-Napoca: Mega, 207–227.

Статья поступила в номер 19 июля 2026 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). PhD in Theory and history of culture. Institute of Cultural Heritage of Academy of Sciences of Moldova [1].

Aleksey Romanchuk (Chişinău, Moldova). Candidate în culturologie. Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei.

Романчук Алексей Андреевич (Кишинёв, Молдова). Кандидат культурологии. Институт культурного наследия академии наук Молдовы.

E-mail: dierevo@mail.ru, dierevo5@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2021-7958

Address: [1] Stefan cel Mare Bd., 1, Chişinău, MD-2001, Moldova

Список сокращений

АЕС — Археология евразийских степей. Казань.
алб. — албанское; албанский язык.
АлтГУ — Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН СССР — Академия наук СССР.
АНО — Автономная некоммерческая организация.
Антология — Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2015. 496 с.
араб. яз. — арабский язык.
АС — Археологический съезд.
АФС — аэрофотосъемка.
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БВС — беспилотное воздушное судно.
БСВ — Балтийская система высот.
БурГу — Бурятский государственный университет. Улан-Удэ.
ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВДИ — Вестник древней истории. Москва; Ленинград.
ВЛС — воздушное лазерное сканирование.
ВУГУ — Восточноукраинский государственный университет. Луганск.
ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГВЛТ — Галицько-Волинський літопис. Текстологія / За ред. О. Толочко. Київ: Академперіодика, 2020. 929 с.
ГИИ — Государственный институт искусствознания. Москва.
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА — Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДГУ — Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДонНУ — Донецкий национальный университет. Донецк.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИААЭ — Институт археологии, антропологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии, антропологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИДВ РАН — Институт Дальнего Востока Российской академии наук. Москва.
изд-во НГУ — издательство Новосибирского государственного университета. Новосибирск.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИМ — Иоанн де Плано Карпини. История монголов: текст, перевод, комментарий / Пер. А. А. Вовина, П. В. Лукина; под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2022. 383 с.
итал. — итальянский язык.
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва.
ИЯЛИ — институт языка, литературы и истории.
ІА НАНУ — Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
КА ПГНИУ — Кабинет археологии Пермского государственного национального исследовательского университета. Пермь.
КарНЦ РАН — Карельский научный центр Российской академии наук. Петрозаводск.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград.
ЛООО — Ленинградская областная общественная организация.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭ ПГГПУ — Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь.

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
НА ИИМК РАН — Научный архив Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
Науч. вестн. Ямало-Ненец. автон. Округа — Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард.
науч. изд. КМК — Научное издательство «КМК».
НГУ — Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НПМП «Волот» — Научно-производственное многопрофильное предприятие «Волот». Екатеринбург.
ОГИ — Объединенное гуманитарное издательство.
ОГМЭ-ПЗ — оптическая головка для микроэлектроники, модель ПЗ.
ООО ЦИКР «Рифей» — Общество с ограниченной ответственностью «Центр историко-культурных реконструкций “Рифей”».
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия. Оренбург.
ПАН — Польская Академия наук. Варшава.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
ПМА, ПМА1 — Полевые материалы автора.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / Под. ред. Е. Ф. Карского. Москва: Языки русской культуры, 1997.
ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. Москва: Языки русской культуры, 1998.
ПСРЛ 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Языки русской культуры, 2000.
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва.
РА — Российская археология. Москва.
РАН — Российская академия наук. Москва.
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РГУ — Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. Рязань.
РНФ — Российский научный фонд. Москва.
РО — Рукописный отдел.
РСМ — Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
Рубрук — Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А. И. Малеина; под ред. Н. П. Шастиной. Москва: Изд-во географической литературы, 1957. С. 87-194.
РФА — рентгенофлуоресцентный анализ.
РЭБ — средства радиоэлектронной борьбы.
РЭМ — Российский этнографический музей. Санкт-Петербург.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. Москва.
сард. — сардинский язык.
СИААМЗ — Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Старая Ладога.
Сибир. Симп. — Сибирский симпозиум.
СИИМК — Сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград.
СО — Сибирское отделение.
СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СОИКМ — Самарский областной историко-краеведческий музей имени П. В. Алабина. Самара.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СЭ — Советская этнография. Москва.
ТГУ — Томский государственный университет. Томск.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТИЭ — Труды Института этнографии Академии наук СССР. Москва.
ТНИИР-Центр — Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр. Тверь.
тур. яз. — турецкий язык.
УАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа.
УрО РАН — Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХакНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан.
ХГУ — Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦКП ИА РАН — Центр коллективного пользования Института археологии Российской академии наук. Москва.
ЦМР — цифровые модели рельефа.
ЮУрГГПУ — Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Челябинск.

ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЮШ	— Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» / Пер. Р. П. Храпачевского // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. С. 121-291.
ASP	— Annales Sancti Pantaleonis Coloniensis / Ed. H. Cardauns // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannover: Hahn, 1872. T. 22. P. 529-547.
BP	— Relatio fr. Benedicti Poloni // Sinica Franciscana: Itinera et Relationes Fratrum Minorum Saeculi XIII et XIV / Ed. A. van den Wyngaert. Florence: Collegium S. Bonaventurae, 1929. P. 133-143.
HT	— Simon de Saint-Quentin. Histoire der Tartares / Ed. J. Richard. Paris: Paul Geuthner, 1965. 129 p.
ІІУ НАНУ	— Інститут історії України Національної академії наук України.
J. Anthropol. Archaeol.	— Journal of Anthropological Archaeology. New Hampshire.
JAS	— Journal of Archaeological Science. Waltham, Mass.
RH	— The King's Dictionary: The Rasûlid Hexaglot. Fourteenth Century Vocabularies in Arabic, Persian, Turkic, Greek, Armenian and Mongol / Ed. P. B. Golden. Leiden: Brill, 2000. 459 p.
Rubruck	— Guglielmo di Rubruck. Viaggio in Mongolia. Itinerarium / Ed. P. Chiesa. Milano: Fondazione Lorenzo Valla, 2011. xciii + 530 p.
SA IHMC RAS	— Scientific Archive of the Institute for the history of material culture Russian Academy of sciences. Saint Petersburg.
SA REM	— Scientific Archive the Russian museum of ethnography. Saint Petersburg.
SAB	— Staatsarchiv Bamberg. Bamberg.
TR	— The Tartar Relation // The Vinland Map and the Tartar Relation / Eds. R. A. Skelton, T. E. Marston, G. D. Painter. 2nd ed. New Haven; London: Yale University Press, 1995. lxvi + 291 p.